

ФРОНТ БЕЗДНЫ

ТОМ 2

ПЕПЕЛ КОЛОНИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

MYTHIC CODER

18+

ФРОНТ БЕЗДНЫ

Mythic Coder

**Фронт бездны. Том
2 Пепел колоний**

«Автор»

2026

Coder M.

Фронт бездны. Том 2 Пепел колоний / М. Coder — «Автор»,
2026 — (ФРОНТ БЕЗДНЫ)

После Ксайры у Коррана Даэра и его отряда не остаётся времени на передышку. Сигнал приводит их на военную базу Ланк, но вместо спасения там ждёт новая реальность: рушащиеся колонии, сорванные эвакуации, бои за топливо, связь и последние маршруты вывода людей. Корран, Лея, Рэн, Элья и Хиро становятся ударной группой, которую бросают туда, где фронт уже трещит по швам. Война разрастается по системе, враг бьёт не хаотично, а точно и страшно, превращая технику, города и саму инфраструктуру человечества в оружие против людей. Чтобы выжить, мало удерживать рубежи и вытаскивать раненых из огня — нужно понять, кто ведёт эту бойню.

Содержание

Глава 1. Курс в пустоту	5
Глава 2. Мёртвый огонь базы	13
Глава 3. Стыковка под прицелом	20
Глава 4. Карантинный сектор	27
Глава 5. Первый брифинг без надежды	33
Глава 6. База на швах	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Mythic Coder

Фронт бездны. Том 2 Пепел колоний

Глава 1. Курс в пустоту

Шаттл рванулся прочь от орбиты так, будто сам хотел забыть, что осталось позади, но Ксайра не отпускала даже через броню и толщу вакуума. В обзорном секторе планета ещё висела огромным пылающим полушарием, разорванным по экватору полосами огня, и этот свет не был похож ни на закат, ни на промышленный пожар, потому что он напоминал вскрытую рану, из которой наружу хлестала сама смерть. С каждой минутой Ксайра уменьшалась, сжималась в ослепительный шрам на черноте, однако в тесном нутре шаттла никто не чувствовал облегчения, словно они не улетали, а только тащили за собой её пепел, её крики и её проклятую заразу.

Внутри стояла тяжёлая духота, густо перемешанная с запахом горелой изоляции, крови, дешёвых антисептиков и человеческого страха, который всегда пахнет одинаково, как бы далеко ни занесло войну. Люди сидели вплотную друг к другу, упираясь коленями в ящики, в ремни, в чужие сапоги, и даже дети, которых обычно невозможно заставить молчать, теперь жались к матерям тихо, с круглыми сухими глазами, будто уже поняли главное правило выживания: не шуметь, когда рядом может услышать что-то чужое. Где-то в хвостовом отсеке сдавленно застонал раненый, кто-то шепнул ему, чтобы терпел, и этот шёпот прозвучал страшнее любого крика.

Лея сидела за ручным управлением так напряжённо, что по её предплечьям ходили жёсткие тени от аварийных ламп. Пальцы намертво вцепились в штурвальные скобы, курс она держала резче, чем требовалось, словно душила машину собственными руками и не собиралась отдавать ей ни грамма свободы. На панели мигали жёлтые сбои, иногда проскакивал красный значок автокоррекции, но она даже не смотрела туда.

— Не трогай, — бросила она через плечо, когда один из техников потянулся к блоку навигации. — После Ксайры я автоматике не верю ни на хер.

Техник замер, сглотнул и медленно убрал руку.

— Там только стабилизация...

— Я сказала, не трогай.

Её голос не сорвался, не дрогнул, однако в нём сидела такая натянутая злость, что спорить не решился никто. Лея вела шаттл сама, будто вела их через минное поле с завязанными глазами, и, может быть, так оно и было.

Корран не садился с самого отлёта. Он стоял у переборки, слегка расставив ноги, чтобы ловить вибрацию корпуса всем телом, и молчал так, как молчат люди, у которых внутри уже давно идёт собственный бой. Свет резал его лицо на жёсткие углы, под глазами залегла серая усталость, на броне подсохли тёмные разводы, чужие и, кажется, его собственные тоже. Он слушал каждый шелчок, каждый скрип металла, каждый пробег тока в стенах, будто ждал, что беда снова полезет из проводки, из вентиляции, из какого-нибудь забытого техканала, где ещё недавно шевелилась смерть с механическим хрипом.

Рядом с ним, прямо на полу, сидел мальчишка лет восьми в слишком большой термонакидке и сжимал в руках пластиковую кружку без воды. Он долго смотрел на Коррана, потом всё же спросил тихо, почти беззвучно:

— Мы улетели?

Корран не сразу ответил. Он перевёл взгляд на далёкий свет Ксайры за иллюминатором, потом обратно на ребёнка.

— Физически — да.

Мальчишка нахмурился, не поняв.

— А по-настоящему?

Корран задержал дыхание, прислушиваясь к глухому удару где-то под палубой. Просто терм расширение. Или нет. После пережитого мозг уже не верил в простые объяснения.

— По-настоящему ещё нет, — сказал он наконец. — Но мы ещё живы, а это уже работающий план.

Мальчишка кивнул так серьёзно, будто принял приказ.

В корме тихо заплакала девочка, и мать сразу прижала её к груди, шепча что-то бессвязное, упрямое, почти злое, как молитву, которая не надеется быть услышанной. Кто-то передал вдоль ряда флягу. Кто-то ругнулся сквозь зубы, когда шаттл качнуло на выходе из гравитационного шлейфа. Потолок ответил сухим треском, и по отсеку мгновенно прокатилась волна немого ужаса.

Корран уже был у сервисной панели прежде, чем кто-либо успел дёрнуться. Он сорвал крышку, взгляделся в клубок кабелей, где ползали отблески аварийных индикаторов, и несколько секунд просто смотрел, не мигая, словно ждал, что из темноты между жгутами вывернется знакомая дрянь из Ксайры — живая, заражённая, с тянущимися волокнами и стеклянным скрежетом вместо дыхания. Но там оказался лишь перегретый узел питания и запах озона.

— Ложная тревога, — произнёс он хрипло, хотя сам себе не поверил.

Лея коротко усмехнулась, не отрывая взгляда от курса.

— На сегодня это почти хорошая новость.

Шаттл шёл дальше в чёрную пустоту, тесный, душный, перегруженный выжившими, болью и тем, что не помещалось ни в один трюм. Позади догорала Ксайра, впереди не было ничего, кроме маршрута и страха, а между ними дрожал старый корпус, полный людей, которые уже вырвались из ада, но ещё ни на секунду не почувствовали себя спасёнными.

Следом за сухим треском в панели и тяжёлым выдохом людей, которые уже разучились верить в спокойствие, в рубке снова ожил эфир. Сначала это был обычный мусор — шорох, рванный свист, короткие шелчки, будто кто-то водил ржавым ножом по оголённому металлу, — но потом сквозь помехи прорезался голос, и тесное нутро шаттла сразу стало ещё тише, чем прежде.

— ...всем... кто... меня... слышит...

Слова ломались, крошились, будто их тащили через наждак и битое стекло, однако именно эта фраза ударила по памяти каждого, кто был в рубке, потому что они уже слышали её раньше. Не раз. Не случайно. Сигнал всплыл снова, упрямо, мёртво, словно сама пустота не хотела отпускать их без этого зова.

— ...это... генерал... Варн... с... военной... базы... Ланк... — голос на миг провалился в треск, потом выровнялся с такой неестественной чёткостью, что по спине прошёл холод. — ...всем уцелевшим подразделениям и гражданским судам... прибыть по координатам... для дальнейших действий... по защите человечества...

Лея даже не повернула головы, но пальцы на ручном управлении сжались так, что побелели костяшки. Свет приборов резал её лицо на жёсткие плоскости, и только дёрнувшаяся мышца у виска выдала, как её перекосило от этого голоса.

— Опять, — тихо сказала она. — Сука, опять.

Элья, стоявшая у блока связи с накинута на плечи тёплой курткой поверх формы, смотрела на бегущие по экрану полосы спектра так, будто пыталась выловить из них живую плоть. Её губы шевельнулись раньше, чем она успела это скрыть.

— Ланк, — произнесла она вслух, медленно, с осторожностью человека, который пробует на вкус имя мертвеца. — Военная база Ланк...

Название повисло в рубке тяжёлым комом. Оно звучало реально, почти буднично, и именно это пугало сильнее всего. Слишком обычное слово для места, откуда не должен был идти ни один сигнал через мёртвую систему.

Аркан оттолкнулся от переборки и наклонился к панели, прислушиваясь не столько ушами, сколько той выработанной на войне насторожённости, которая давно заменила ему половину приборов. На его лице не было паники, только собранная, холодная внимательность.

— В спектре нет демонической наводки, — сказал он после короткой паузы. — Нет характерного раздвоения частот, нет паразитной биопульсации, нет подстройки под эмоциональный отклик.

Он выпрямился и мрачно добавил:

— Но это не значит, что сообщение безопасно.

Корран перевёл взгляд с динамика на обзорный экран, где в глубине космоса уже таял огненный след Ксайры. Он слушал сигнал без единого движения, и чем ровнее звучал голос, тем каменным становилось его лицо. В этом сообщении не было живой усталости, не было злости, не было даже дрожи человека, который цепляется за последний шанс. Только приказ, отшлифованный до мёртвого блеска, повторяемый снова и снова.

— Запись, — тихо сказал он.

Элья кивнула, хотя сама, кажется, хотела возразить не разумом, а каким-то детским остатком надежды.

— Похоже на зацикленный передатчик. Или на автоматический маяк, который продолжает молотить после гибели базы.

— Или кто-то очень хочет, чтобы мы так подумали, — процедила Лея.

Шаттл снова дрогнул на курсе, и из пассажирского отсека донёсся приглушённый детский кашель, за которым сразу последовало раздражённое шиканье взрослого. Жизнь за тонкой переборкой продолжалась — раненые терпели, дети боялись, люди жались друг к другу в вонючей жары и ожидании новой дряни, — а здесь, в рубке, решалось, в какую пасть они полезут дальше.

Сигнал пошёл по кругу ещё раз.

— ...прибыть по координатам... для дальнейших действий... по защите человечества...

Корран протянул руку и убавил громкость, словно этому голосу уже хватило места у них в головах.

— Приказ не меняется, — сказал он ровно. — Курс на Ланк.

Элья подняла на него взгляд.

— Даже если там уже давно кладбище?

— Особенно если там кладбище, — ответил он.

Аркан скрестил руки на груди и коротко кивнул, принимая решение без лишней болтовни.

— Связь не открываем?

— Нет. Никаких ответов в эфир, — отрезал Корран. — И никаких лишних шумов. Идём тихо, смотрим внимательно, никому не сообщаем, что вообще существуем.

Лея усмехнулась одними губами, без тени веселья.

— Это я умею.

За бортом была пустота, впереди — база, которая могла оказаться последним опорным пунктом людей или ещё одной ловушкой, аккуратно завернутой в военный приказ. Шаттл шёл своим курсом сквозь мрак, а в динамиках, почти уже шёпотом, снова и снова повторялся ровный голос из мёртвой системы, слишком человеческий для машины и слишком мёртвый для живого.

После мёртвого голоса из эфира шаттл будто окончательно смирился с тем, что тишины ему не дадут, и люди внутри тоже начали понемногу оттаивать из оцепенения, в котором

покидали Ксайру. Пока двигатель ровно гудел под палубой, а корпус время от времени отзывался сухими щелчками металла, группа наконец стала по-настоящему видеть тех, кого успела вырвать из огня. Не просто массу тел, набитую в тесный отсек, а живых, сломанных, ещё не пришедших в себя людей. Кто-то сидел, уставившись в пол так неподвижно, словно душа отстала там, на планете. Кто-то вздрагивал от каждого звука. Кто-то до сих пор, кажется, не понимал, что произошло, и смотрел на бойцов с таким тяжёлым, почти суеверным страхом, будто они вернулись не с эвакуации, а из самого нутра какого-то другого мира, куда обычному человеку лучше никогда не заглядывать.

Хиро и Аркан шли по отсеку кругами, не давая себе ни минуты лишнего покоя. Они останавливались у каждого раненого, приседали, светили в глаза карманным фонарём, проверяли зрачки, температуру, дрожь в пальцах, частоту дыхания и ту мелкую, почти неуловимую рассинхроненность движений, которая могла стать первым намёком на заразу. Хиро работал спокойно, с отточенной сухостью, в которой не было ни жестокости, ни жалости, только необходимость сделать всё правильно.

— Смотри на меня, — говорил он усталому мужчине с обожжённой щекой, придерживая ему подбородок. — Не в сторону. На свет реагируешь нормально... Хорошо. Руки вытяни.

Мужчина вытянул руки, и левая заметно задрожала.

— Это из-за шока или уже повод мне начинать материться? — глухо спросил он.

Аркан, стоявший рядом, коротко взглянул на тремор.

— Пока из-за шока, обезвоживания и того, что тебе хреново, — ответил он без лишней мягкости. — Когда будет повод материться, ты поймёшь сразу.

Рэн помогал им молча, и это молчание смотрелось на нём почти чужеродно. Обычно в нём всегда находилось хоть что-то — грубая шутка, колкость, живой мат, способный хоть немного разогнать страх, — но после Ксайры даже у него, похоже, внутри всё выгорело до тёмного пепла. Он подавал бинты, удерживал людей, переставлял ящики, приносил воду по глотку, поправлял сползшие термопокрывала и ни разу не попытался разрядить обстановку словом. Когда пожилая женщина с перевязанной грудью схватила его за рукав и спросила, где её сын, Рэн только замер на секунду, потом осторожно высвободил ткань из её пальцев и опустил глаза.

— Не знаю, — сказал он тихо. — Честно не знаю.

И в этих двух словах было столько неподдельной усталости, что женщина больше ничего не спросила.

Элья держалась ближе к детям, но в её движениях не было ничего мягкого или рассеянного. Она следила за отсеком так, как раньше следила за улицами перед выстрелом: замечала, кто слишком резко дёрнулся, кто начал странно чесать кожу, кто внезапно затих, кто смотрит не на людей, а будто мимо них, в какую-то свою трещину. Дети жались к ней быстрее, чем к остальным, возможно, потому что она не пыталась изображать фальшивое спокойствие. Просто сидела рядом, подавала флягу, поправляла воротник, укрывала плечи и смотрела вокруг с холодной, собранной готовностью разорвать любого, кто полезет к ним из темноты, из люка или из собственной кожи.

Одна девочка, совсем маленькая, с запутанными волосами и закопчённым лицом, долго разглядывала винтовку у неё на коленях, а потом шёпотом спросила:

— Ты всех чудовищ убила?

Элья перевела на неё взгляд и не стала врать.

— Не всех.

Девочка вжалась в сиденье.

— Тогда они придут?

Элья накрыла её ледяные пальцы своей ладонью.

— Тогда мы услышим их раньше.

Этого почему-то хватило. Ребёнок слабо кивнул и впервые за всё время закрыл глаза, хотя и не уснул по-настоящему.

Шаттл шёл дальше через пустоту, воняя потом, лекарствами и пережжённой техникой. Здесь не было ни спасённых героев, ни счастливого конца, только люди, вытасканные из бойни, и другие люди, которым теперь приходилось смотреть, как они дышат, дрожат и медленно понимают масштаб случившегося. И чем дольше длился этот полёт, тем яснее становилось: с Ксайры они унесли не только выживших, но и саму её тень, въевшуюся в глаза, в руки, в каждую паузу между словами.

После обхода раненых и тяжёлого, вязкого молчания в основном отсеке Лея не выдержала духоты и спустилась в тех отсек, где хотя бы страх был честным и пах не людьми, а железом. Узкий лаз встретил её жаром, тусклым аварийным светом и такой плотной вонью горелой изоляции, что на языке сразу осел горький привкус, словно она лизнула старую батарею. Здесь шаттл выглядел так, как и должен был выглядеть после Ксайры: не машиной, а избитой тварью, которую кое-как заставили ползти дальше.

Она провела ладонью по стенке рядом с силовым блоком и посмотрела на чёрные подпалины, разбежавшиеся по обшивке неровными лепестками. Оплавленные контакты блестели мутно и мерзко, как застывшие язвы. Несколько жгутов были выжжены почти до сердцевины, поверх них кто-то кинул временные перемычки, закрепив всё наспех, грубо, но правильно, потому что выбора тогда не было. В углу тихо потрескивал охлаждающий контур, и от этого звука у Леи дёрнулся висок: слишком уж он напоминал те секунды, когда корабль на орбите Ксайры начал отвечать не на команды, а на чужую, липкую волю, будто электроника внезапно решила, что у неё появился новый хозяин.

Она присела перед вскрытой панелью, подсветила внутренности ручным фонарём и долго молча смотрела в клубок кабелей. Здесь ещё остались следы того, как шаттл уже пытался стать чем-то чужим. Не просто сломаться, не просто перегореть, а будто переучиться на ходу, перекрыть себя под другой ритм. Некоторые линии были оплавлены неравномерно, словно ток шёл по ним рывками, с чужой логикой, а в одном из узлов до сих пор виднелись тонкие борозды от механического вскрытия, которое она сама делала на бегу, матерясь и отбивая отвёрткой заклинивший фиксатор.

— Держись, сука, — пробормотала Лея, не то шаттлу, не то себе.

Она быстро проверила питание навигационного контура, резерв силовой группы, аварийный отсекатель сети, потом откинулась на пятки и прикрыла глаза на пару секунд. До Ланка машина дотянет. Наверное. Если не начнётся новая перегрузка. Если их не зацепит облаком мусора. Если какая-нибудь внешняя дрянь не попытается снова залезть в бортовую сеть и доест то, что не успело сожрать на Ксайре. Слишком много этих «если» для корыта, собранного сейчас на честном слове, злости и её упрямстве.

За спиной лязгнул люк. Лея не обернулась сразу, потому что и так знала, кто это. Корран спускался тяжело, цепляясь ладонью за скобу, и в тесном отсеке от него сразу стало ещё меньше воздуха. Он не спросил, как обстановка. Не потребовал доклад. Просто остановился рядом и посмотрел сначала на выжженные кабели, потом на неё, будто пришёл не за цифрами, а за тем единственным, что нельзя спрятать в отчёте.

— Ну? — произнёс он.

Лея усмехнулась без радости и вытерла запястьем пот со лба.

— Ну херово, если тебе нужен красивый ответ.

Корран молчал, ожидая дальше.

— Борт живой только потому, что ещё не понял, что давно должен был сдохнуть, — сказала она уже тише. — Контуры держатся на временках, изоляция в трёх местах выгорела к чёртовой матери, а сеть я вообще трогаю только в перчатках и с ножом под рукой. Если словим

серьёзную перегрузку, удар обломками или ещё одну попытку внешнего захвата, эта посуда может лечь прямо под нами.

Он кивнул, не отводя взгляда.

— До Ланка дотянет?

Лея посмотрела на разбитое нутро шаттла, на кривые перемычки, на грязь под ногтями, ввевшуюся после ремонта на Ксайре, и в её лице не осталось ничего, кроме жёсткой, сухой решимости.

— Красиво не доведу, — ответила она. — Может, будет трясти, может, будет вонять, может, эта развалина ещё не раз попытается нас угробить.

Она поднялась на ноги и посмотрела Коррану прямо в глаза.

— Но доведу. Пока у меня работают руки, я доведу вас до Ланка.

Несколько секунд в тех отсеке слышались только вентиляторы и слабое потрескивание остывающего металла. Корран коротко выдохнул, принимая не утешение, а правду, и это было лучше любой лжи.

— Этого достаточно, — сказал он.

Лея снова повернулась к вскрытой панели, сунула руку в нутро шаттла и крепче подтянула одну из перемычек, словно затягивала шов на живом теле. Машина дрожала, вела их сквозь пустоту на одном упрямстве, и теперь у них с ней была одна общая задача — не сдохнуть раньше времени.

После тех отсека и жёстких слов Леи шаттл не стал спокойнее, просто люди внутри окончательно поняли, что летят не на надёжном военном борте, а в упрямой железной коробке, которая держится на нервах, ремнях и чужом нежелании умирать. Отдых здесь существовал только на словах. Кто-то проваливался в сон на пять минут, сидя с запрокинутой головой у переборки, потом сразу дёргался, будто его выдернули из ледяной воды. Кто-то засыпал с кружкой в руках и просыпался от собственного всхрапа, озираясь так дико, словно снова видел перед собой коридоры Ксайры. Даже дети спали урывками, сквозь тревожную дрему, прижавшись к взрослым и вздрагивая от каждого скрипа корпуса.

Корран за эту долгую, рваную ночь несколько раз обошёл шаттл от рубки до хвоста и обратно, двигаясь по узким проходам так, будто сам маршрут уже был частью приказа, который нельзя нарушить. Он проверял люки, запоры, крепления ящиков, ремни на аварийных укладках, оружие у бойцов и лица людей, стараясь поймать любую перемену раньше, чем она успеет превратиться в беду. Простые действия успокаивали не потому, что действительно могли удержать мир на месте, а потому, что у него ещё оставалась возможность делать хоть что-то руками. Подтянуть фиксацию. Закрыть не до конца вставший замок. Убедиться, что винтовка заряжена, а у раненого нет нового жара. Когда вокруг всё катилось к чертям, порядок иногда держался именно на таких мелочах.

Рэн сначала пытался давить общее напряжение привычным способом. Он плюхнулся на ящик рядом с двумя техниками, которые сидели бледные, как полотно, и буркнул:

— Ну что, красавцы, если эта консервная банка развалится, хоть не придётся платить за посадку.

Один из техников криво хмыкнул, второй даже не поднял головы. Шутка упала между ними и сдохла, как рыба на железном полу. Рэн помолчал, почесал подбородок и добавил:

— Хотя нет, с нашим везением и после смерти с нас что-нибудь спишут.

На этот раз никто не ответил вовсе. Он сплюнул в сторону пустого дренажа, выругался себе под нос и замолк уже надолго, потому что после Ксайры даже его грубый трёп звучал сухо и мёртво, словно слова тоже обгорели вместе с тем, что они там видели.

Элья сидела ближе к детям, но взгляд у неё всё время скользил по всему отсеку, по лицам, рукам, теням, по отражениям аварийных ламп в тусклом металле. Она заметила раньше других, что людей давит не усталость и даже не память о недавнем бое. Космос прижал их силь-

нее. Там, на планете, страх хотя бы имел форму: в него можно было стрелять, от него можно было бежать, его можно было материть в лицо, пока палишь в упор. Здесь же за бронёй лежала пустота, чёрная и беззвучная, и от этого становилось хуже, потому что выплеснуть ужас было некуда.

— Ненавижу это, — тихо сказала женщина у стены, не открывая глаз.

Элья повернулась к ней.

— Что именно?

Та с трудом сглотнула.

— Тишину. Там всё было понятно. А тут кажется, будто оно уже рядом, просто ждёт.

Элья посмотрела в тёмный иллюминатор, где не было ничего, кроме редких звёзд.

— Все мы сейчас это чувствуем, — ответила она.

К концу этого отрезка пути на борту сложилось тяжёлое, молчаливое ожидание, от которого даже воздух казался гуще. Люди почти не разговаривали, бойцы не спорили, дети перестали задавать вопросы, а каждый новый щелчок корпуса звучал так, будто кто-то снаружи пробует шаттл на прочность ногтем. Ланк ещё не появился на экранах, но ощущение было таким, словно база уже смотрит на них из темноты, терпеливо, не мигая, и ждёт, когда они подойдут достаточно близко.

Тяжёлая, рваная ночь тянулась до тех пор, пока пустота впереди наконец не дала Лее хоть что-то кроме чёрного экрана и дрожащих россыпей звёзд. Она сидела в рубке, вцепившись в ручное управление уже скорее по привычке, чем по необходимости, и первой заметила на краю сенсорной сетки массивную, тусклую засветку, слишком правильную для обломков и слишком большую для одиночного корабля. Её пальцы быстро пробежали по панели, фильтры ушли в сторону, шум изображения осел серой рябью, и на центральный экран медленно выплыл объект, к которому они шли через эту мёртвую систему.

— Есть контакт, — сказала Лея негромко, но так, что в рубке сразу стало ещё тише. — Визуал вывожу.

База Ланк появилась не как обещание спасения и не как долгожданный военный оплот, а как тёмный, израненный силуэт, повисший в космосе с тяжестью выбитого зуба. Огромное тело станции угадывалось по ломаным очертаниям внешнего кольца и массивным узлам, торчащим в стороны, как переломанные рёбра. Несколько секторов ещё держали форму, и по ним пробегали редкие огни, слабые, неровные, похожие не на рабочее освещение, а на остаточное сердцебиение в груди, которую уже давно должны были вскрыть. Другие сегменты тонули в полной темноте. Где-то корпус был словно выгрызен кусками, где-то целые блоки висели мёртвыми, без питания, без движения, без всякого признака жизни.

Элья шагнула ближе к экрану и прищурилась, будто глазами могла вытащить из этой чёрной громады хоть крупицу надежды.

— Да чтоб тебя, — выдохнула она. — Это не база, это полутруп.

Аркан опёрся ладонью о край консоли и быстро пробежал взглядом по внешнему контуру.

— Несколько сегментов выбиты или обесточены, — произнёс он сухо. — Нормального приёма можно не ждать. Если там и есть гарнизон, то сидит он глубоко внутри и в очень хреновом состоянии.

Из пассажирского отсека до рубки доносились приглушённые голоса, кашель, редкий детский плач, но здесь все звуки теперь будто отходили на второй план. Даже шаттл, казалось, притих, пока они смотрели на Ланк. Корран стоял чуть позади Леи и молчал так долго, что это молчание стало весомее любых слов. Он смотрел на базу не как человек, нашедший цель пути, а как солдат, которому показали новый участок фронта и не сказали, что именно там уже пошло не так.

Лея не отвела взгляда от экрана.

— Внешний контур частично цел, — сказала она. — Но, если полезем как к своим, нас могут встретить либо пушки, либо тишина. И я бы не ставила, что тишина окажется лучше.

Корран ещё несколько секунд смотрел на редкие, пульсирующие огни базы, потом коротко кивнул, словно что-то окончательно сложилось у него в голове.

— Сбрасывай скорость, — приказал он. — Подходим дальше медленно. Без открытой связи, без резких манёвров, без лишней засветки.

— Как к вражескому укрепрайону, — мрачно заметил Рэн, появившись в дверях рубки.

Корран даже не повернулся к нему.

— Именно так.

Лея плавно увела тягу вниз, и шаттл послушно замедлился, дрожа старым корпусом, будто и сам чувствовал, что впереди не причал и не передышка, а ещё одна пасть, в которую придётся лезть осторожно, по сантиметру. Ланк висел перед ними огромный, тёмный, недосказанный, с редкими огнями в пробитой плоти металла, и чем ближе они подходили, тем яснее становилось одно: спасение здесь никто не обещал. Впереди была только новая проверка на прочность.

Глава 2. Мёртвый огонь базы

Огромная туша Ланка росла в обзорном экране медленно, но неотвратимо, и с ближней дистанции база становилась только хуже, потому что расстояние больше не прятало её за общим силуэтом. Теперь она раскрывалась по частям, и каждая новая деталь работала против самой мысли о безопасности. Там, где издали ещё можно было вообразить уцелевший военный объект, вблизи проступало избитое, израненное сооружение, которое держалось в пустоте с мрачным упрямством старого фронтовика, давно пережившего предел прочности.

Некоторые доки были тёмными полностью, без единого огня, без сервисных маяков, без признаков жизни, и чёрные провалы входных шахт смотрелись так, будто база сама выжгла себе несколько глазниц. На внешних фермах, тянувшихся вдоль сектора снабжения, виднелись следы старых пожаров: почерневшие балки, сорванные панели, наплывы застывшего металла, который когда-то тек от перегрева, а потом застыл уродливыми складками. Часть оборонительных платформ висела под неестественными углами, а несколько вообще не вращались, словно их заклинило в момент атаки и с тех пор никто уже не нашёл ни людей, ни времени, ни сил, чтобы вернуть им движение.

— Красота, мать её, — пробормотал Рэн, стоя за спиной Леи и вглядываясь в экран. — Прямо видно, как тут любят гостей.

Лея не ответила. Она вела шаттл осторожно, почти ювелирно, мягко работая тягой и обходя мёртвые зоны так, будто пробиралась через минное поле на ослепшей машине. Лишний свет она не включала, сигнатуру держала минимальной, и даже маршрут прокладывала не по самому короткому вектору, а по тому, где было меньше шансов вспыхнуть на чьих-нибудь датчиках слишком ярко и слишком рано. После Ксайры доверие к любым открытым подходам сгорело в ней дотла.

— Между секторами мусор, — сказала она, щурясь в сетку поправок. — Мелочь, но плотная. Если зайдём тупо по прямой, соберём половину бортом.

Корран подошёл ближе и посмотрел туда, куда указывал её палец. Между сегментами базы действительно висел пояс мелких обломков: осколки панелей, куски ферменных рам, сорванные антенны, какие-то обугленные фрагменты обшивки, слишком многочисленные для обычного эксплуатационного мусора. Это не было похоже на старую свалку при рабочем объекте. Скорее на след драки, в которой что-то рвали на части прямо у корпуса и не успели потом расчистить.

— Здесь уже месились всерьёз, — тихо произнёс Аркан.

Корран ничего не ответил сразу. Он смотрел на неподвижные платформы, на выжженные фермы, на тёмные доки и этот висящий в пустоте мусорный пояс, и в нём всё крепче укладывалась простая, холодная мысль: если Ланк всё ещё жив, то жив он не потому, что его не нашли, а потому, что он уже пережил не одну атаку и каким-то чудом устоял.

Эля, стоявшая у бокового экрана, негромко выдохнула.

— Похоже, сюда не раз приходили с желанием добить.

— И, возможно, ещё придут, — сказал Корран.

В рубке на секунду стало совсем тихо, если не считать глухого гула двигателей и едва слышного потрескивания старой электроники. Лея осторожно увела шаттл ниже относительно оси внешнего кольца, обходя тёмный сектор, где не работало ни одно опознавательное окно, и машина послушно дрогнула, как зверь, которого ведут мимо чужой норы.

Ланк теперь висел совсем рядом, огромный, мёртвый с виду и всё же не до конца мёртвый, с редкими огнями в глубине и следами старого огня на коже металла. Он не звал к себе и не обещал укрытия. Он просто молча показывал, через что уже прошёл, и этим говорил больше любого сигнала.

Ланк молчал даже в цифре, и это молчание оказалось едва ли не хуже его израненного силуэта. Пока шаттл держался в тени внешнего контура, Лея и Аркан пробовали читать сеть базы пассивно, не давая в эфир ни одного лишнего импульса, будто подслушивали за дверью, за которой мог сидеть как раненый союзник, так и кто-то, готовый шарахнуть по первому шороху. На экранах ползли рваные строки телеметрии, обрывки внутренних каналов, мусорные хвосты служебных пакетов, и чем дольше они вглядывались в эту кашу, тем меньше она напоминала картину живого, нормально управляемого объекта.

— Часть каналов забита шумом, — негромко сказал Аркан, проводя пальцем по сетке схемы. — Не случайным, а плотным, как будто там всё время что-то трёт по линии.

Лея переключила слой и нахмурилась.

— А часть просто обрезана к чёртовой матери. Не спит, не молчит, а именно обрезана. Здесь, здесь и здесь.

На схеме несколько внутренних веток Ланка заканчивались тупо, без корректного завершения, словно их отрубили вместе с целыми секторами или заперли намеренно, уже после повреждений. Это не походило ни на полную гибель базы, когда всё сыплется в общий мрак, ни на нормальный боевой режим с жёстким разграничением доступа. Ланк выглядел так, будто часть его ещё пыталась жить по уставу, а часть уже давно существовала по другим, аварийным и очень хреновым законам.

Элья стояла рядом, опираясь ладонью о край консоли, и смотрела на схему с тем выражением, которое появлялось у неё перед выстрелом, когда цель уже в прицеле, но самое неприятное ещё впереди.

— У таких мест всегда два худших варианта, — сказала она тихо. — Либо там почти никого не осталось, и всё это держится на последних остатках автоматике. Либо там остались люди, которые слишком долго сидели в темноте, слишком много потеряли и теперь стреляют во всё, что подойдёт ближе допустимого.

Рэн коротко хмыкнул из-за её плеча.

— Прекрасный выбор. Просто праздник какой-то.

Аркан не отвёл взгляда от экрана.

— Есть третий вариант.

Элья повернула к нему голову.

— Давай, добей настроение.

Он ткнул в участок схемы, где один из внутренних контуров шёл ровно, почти штатно, а потом внезапно начинал расплзаться по задержкам и ложным откликам.

— Частичное заражение, — сказал он ровно. — Не тотальное, не открытое. Настолько неполное, что база, возможно, сама ещё не понимает, что часть её систем и часть людей уже работают не по её воле.

В рубке стало так тихо, что даже слабый треск старого оборудования прозвучал громче. Снаружи Ланк висел во тьме, редкими огнями показывая, что окончательно не умер, а внутри этой громады сейчас могло прятаться всё что угодно: обломки гарнизона, загнанные в угол бойцы, полуслепая автоматика или нечто, что ещё притворяется частью базы.

Корран подошёл к экрану и несколько секунд молча смотрел на схему внутренних каналов, на шумовые провалы, на обрезанные линии, на редкие рабочие узлы, которые держались вопреки общей картине. Лицо у него стало совсем жёстким, будто каждая новая деталь только сильнее утверждала одно простое правило: расслабляться здесь — самый короткий путь в могилу.

— Никто не расслабляется, — сказал он наконец. — С этого момента готовность полная. Заходим так, будто нас сейчас будут проверять огнём.

Лея коротко кивнула и снова легла на курс, удерживая шаттл в пассивном режиме.

— Это я и без приказа собиралась сделать.

— Оружие проверить ещё раз, — продолжил Корран, уже оборачиваясь к остальным. — Герметизацию, крепления, шлемы, медпакеты. Любой контакт с базой считать потенциально враждебным, пока не докажут обратное.

Рэн мрачно оскалился, но без привычной живости.

— Ну вот, теперь хоть всё по-честному.

Элья бросила последний взгляд на рваную сетевую карту Ланка и медленно выпрямилась. База молчала не как мертвец, а как кто-то раненый, злой и опасный, кто ещё не решил, узнает ли тебя за своего, когда ты подойдёшь ближе. И чем яснее это становилось, тем сильнее ощущалось: дальше начнётся не стыковка, а проверка, которую придётся проходить на нервах, на оружии и на умении не сдохнуть раньше времени.

Сухое молчание Ланка тянулось ещё несколько напряжённых минут, пока на панели пассажирского приёма не вспыхнул узкий импульс, такой короткий и жёсткий, будто база не отвечала, а щёлкала затвором перед чужим лицом. Лея сразу вывела пакет на отдельный экран, не открывая обратного канала, и рубка снова стянулась в ту собранную тишину, где каждый уже ждал подвоха раньше, чем успевал прочитать текст.

Передача была предельно сухой, формальной до ледяной безжизненности и почти лишённой всего человеческого, что обычно проскальзывает даже в военной дисциплине. Ни приветствия, ни подтверждения состава борта, ни попытки уточнить происхождение шаттла. Только холодный набор команд, будто на том конце давно отрезали всё лишнее, оставив один голый костяк процедуры.

— Борт неопознанного класса, — вслух прочитала Элья, следя за бегущей строкой. — Держать текущий вектор. Снизить активность. Каналы не открывать. Ожидать дальнейших команд на стыковку.

Она подняла взгляд от экрана.

— И всё.

— Очень, блядь, гостеприимно, — буркнул Рэн, уперев ладони в спинку кресла Леи. — Так обычно встречают либо заражённых, либо дезертиров, либо всех сразу, чтоб потом не сортировать.

Лея хмуро усмехнулась одними губами и убрала лишнюю подсветку с панели, ещё сильнее приглушая сигнатуру шаттла.

— С учётом того, как выглядит база, я бы на их месте вообще сначала целилась, а уже потом думала.

Корран стоял рядом, глядя на короткое сообщение так, словно в этих нескольких строках увидел не просто приказ, а состояние всей станции. Ни времени. Ни доверия. Ни желания тратить силы на нормальные переговоры. Ланк отвечал, как осаждённый объект, который всё ещё держит строй, но давно перестал верить, что к нему вообще могут подойти свои.

— После того, как рухнула Ксайра, — произнёс он спокойно, — разницы между этими категориями у живых почти не осталось.

Рэн ничего не сказал сразу, только мрачно качнул головой, признавая эту правду без удовольствия. В рубке запахло ещё сильнее перегретой электроникой и человеческой усталостью, а за переборкой кто-то из пассажиров снова закашлялся, будто напоминая, что у них на борту хватает причин, по которым Ланк вполне может держать палец на спуске.

Аркан быстро пробежал взглядом по параметрам импульса.

— Передача чистая, без паразитных наслоений. Похожа на локальный военный протокол, сильно урезанный. Либо они экономят всё, даже пропускную способность, либо не хотят давать нам о себе ничего лишнего.

— И правильно делают, — отрезал Корран. — Мы бы на их месте делали то же самое.

Элья ещё раз посмотрела на текст, потом на тёмную, пробитую громаду базы за обзорным экраном.

— Значит, нас видят.

— Да, — ответила Лея, осторожно удерживая курс. — И пока не стреляют.

— Уже достижение, — глухо сказал Рэн.

Шаттл шёл дальше медленно и тихо, будто сам старался не дышать лишний раз. Ланк больше не был просто мёртвой массой впереди: теперь это была наблюдающая сталь, которая заметила их, оценила и оставила на прицеле, не говоря ничего сверх необходимого. И от этого короткого ответа стало только яснее, что стыковка, если она вообще состоится, начнётся не с доверия, а с очень холодной проверки, где любая ошибка может обойтись дороже, чем топливо, воздух и остатки удачи вместе взятые.

После короткого стального ответа Ланка шаттл пошёл ещё ближе, и вместе с расстоянием убывали последние иллюзии, что внешняя оборона базы давно мертва и годится только для вида. Сначала это проявилось едва заметно: в одном из верхних узлов по кольцу внешнего сектора вспыхнула тусклая метка, затем тяжёлая турельная ниша дрогнула, словно просыпаясь после долгой неподвижности, и медленно, с задержкой, начала разворачиваться вслед за их траекторией. Потом ожил второй узел, уже ниже, ближе к связующему ферменному поясу, и его тёмный ствол тоже повёлся за шаттлом с такой ленивой уверенностью, что в рубке сразу стало холоднее, несмотря на душный воздух и жар приборов.

— Вот и ответ на вопрос, могут ли они нас ещё убить, — негромко произнесла Лея, не отрывая взгляда от курса.

На дальнем секторе, за пробитым сегментом обшивки, мигнули живые прицельные огни. Они вспыхнули коротко, почти буднично, но в этой будничности было нечто особенно мерзкое, потому что означало простую вещь: кто-то или что-то на Ланке уже держит их в расчёте, считает скорость, угол захода и момент, после которого шаттл можно будет резать без всяких сомнений. Лея почувствовала, как по спине медленно стекает пот, хотя руки на управлении остались сухими и твёрдыми.

— Одно неверное движение, — сказала она сквозь зубы, — и нас спишут ещё до стыковки. На этой дистанции никто не станет разбираться, случайно мы дёрнулись или нет.

Корран стоял рядом молча, смотрел, как на экране оживают мёртвые до этого гнезда, и по его лицу было видно, что он прекрасно понимает цену каждого сантиметра. Здесь уже не было пространства для споров, догадок или красивых решений. Только точность, выдержка и надежда на то, что у той стороны нервы всё-таки крепче спускового протокола.

Хиро без команды поднялся и ушёл в пассажирский отсек, потому что делать в такие минуты вид, будто всё идёт по плану, было бессмысленно. Он быстро прошёл вдоль креплений, проверяя ремни на раненых, фиксаторы у носилок, застёжки на детских страховочных петлях и грузовые замки на ящиках, которые при резком ударе могли превратиться в мясорубку. Двигался он быстро, но без суеты, как человек, который готовится к худшему не из паники, а потому, что на войне именно это чаще всего и спасает.

— Подтянуть здесь, — бросил он Рэну, указав на ослабленный ремень у борта.

Рэн молча дёрнул крепление, затянул его до упора и на секунду задержал руку на плече сидевшего там подростка. Сказать ему было нечего, да и не помогли бы здесь никакие слова, потому что все понимали одно и то же: если база даст прямой залп, переживать будет уже некому.

Элья держалась ближе к детям, но взгляд её то и дело возвращался к переборке, за которой была рубка, словно она могла увидеть сквозь металл, как турели Ланка ведут их на прицеле. Одна девочка вцепилась в её рукав так крепко, что побелели пальцы.

— Нас пустят? — едва слышно спросила она.

Элья не стала обещать лишнего.

— Пока не стреляют, значит, шанс есть.

От этих слов легче не стало никому, но врать сейчас значило только добавить ещё одну трещину в и без того хрупкое самообладание.

Напряжение на борту сделалось почти физическим, вязким, как перегретый воздух перед взрывом. Даже двигатель, который ещё недавно был просто ровным гулом под палубой, теперь казался слишком громким, слишком заметным, будто каждое колебание корпуса кричало Ланку об их присутствии. Шаттл шёл всё ближе под взглядом живых прицелов, осторожно, почти унизительно тихо, и в этой медленной подаче к стальной пасти базы уже чувствовалось главное: стыковка, если они её заслужат, не будет встречей со своими. Это будет право не быть уничтоженными на подлёте.

Под живыми прицельными огнями Ланка и ленивым сопровождением турелей шаттл дождался следующего пакета команд, и тот оказался почти оскорбительно красноречивым. Им не открыли центральный док, не дали нормальный военный рукав и не предложили стандартный коридор приёма. База отвела их в боковой стыковочный сектор, полу аварийный, утопленный в тени внешнего кольца, туда, куда обычно загоняют борта сомнительные, повреждённые или такие, от которых все заранее ждут какой-нибудь дряни.

— Ну да, конечно, — мрачно пробормотал Рэн, глядя на новую трассу захода. — Прямо в самую жопу порта. Чтоб, если что, легче было отрезать.

Лея не спорила, потому что спорить было не с чем. Она плавно увела шаттл с текущего вектора и повела его вдоль бокового сектора, удерживая машину так осторожно, будто вела не транспорт, а бомбу с капризным взрывателем. По пути к назначенному порту база раскрывалась с такой близости, на какой уже невозможно было ничего приукрасить. На одном из соседних шлюзов створки были обуглены до матовой черноты, их повело от температуры, и металл застыл в кривом, уродливом изгибе, будто кто-то когда-то пытался выжечь проход прямо через закрытый узел. Дальше висели выведенные из строя манипуляторы — один без захвата, другой с раскученным шарниром, третий вообще торчал в сторону бесполезной железной костью. На нескольких участках корпуса виднелись латки, наложенные в явной спешке после пробоин: грубые, не по заводскому контуру, с неаккуратными сварными швами и разной степенью потемнения вокруг, словно их лепили в разное время, но с одной и той же мыслью — только бы дотянуло ещё немного.

Эля долго смотрела на эти шрамы базы и наконец тихо сказала:

— Ланк держится не на системе. Он держится на упрямстве тех, кто ещё не сдох внутри.

Никто не стал ей возражать, потому что это и без того читалось в каждой детали. Всё вокруг говорило больше любого брифинга, любой сводки и любого официального сигнала. Ланк не просто существовал. Он уже воевал, терял сектора, латал себя на ходу и медленно истекал ресурсом, как тяжелораненый солдат, который всё ещё стоит только потому, что падать пока некогда.

Корран стоял рядом с креслом Леи, глядя на приближающийся боковой порт, и лицо у него становилось всё жёстче по мере того, как уменьшалась дистанция. Он не тратил слова на лишние выводы. Просто включил внутренний канал и отдал приказ таким голосом, что его слышали даже те, кто уже клевал носом от усталости.

— Всем оставаться в броне до последнего. Шлемы рядом. Оружие под рукой, но без самодеятельности. Пока не поймём, кто нас встречает, считаем всё вокруг потенциально враждебным.

Хиро коротко подтвердил из отсека, и почти сразу послышался шорох ремней, щелчки застёжек, глухой лязг оружейных фиксаторов. Люди шевельнулись плотнее, раненые морщились, дети испуганно смотрели на бойцов, которые снова становились не спасателями, а чем-то более тяжёлым, холодным и необходимым.

Лея молча отправила посадочное подтверждение коротким служебным импульсом и выровняла шаттл на оси полу аварийного порта. Впереди ждал тёмный, плохо освещённый зев

стыковочного сектора, слишком узкий, слишком потрёпанный и слишком похожий на вход не в укрытие, а в ещё одну зону боя. Шаттл шёл туда медленно, сквозь шрамы Ланка и его угрюмую живую сталь, и теперь уже никто на борту не ждал приёма. Все ждали только того момента, когда станет окончательно ясно, пустят их внутрь или начнут проверять уже не словами.

Под живыми огнями внешней обороны и шрамами бокового порта шаттл дотянул последние метры до стыковочного узла, когда на внутреннем канале вспыхнула ещё одна команда с Ланка. Передача, как и всё здесь, была короткой, сухой и лишённой даже намёка на вежливость, будто с той стороны давно выжгли всё, кроме процедуры.

— Экипажу и пассажирам не покидать судно до завершения внешнего сканирования и био проверки, — прочитала Эля, не отрывая взгляда от строки. — Нарушение режима будет расценено как угроза.

Рэн тихо выдохнул сквозь зубы.

— Ну да, конечно. Добро пожаловать, мать вашу.

Корран даже не повернул головы.

— Все слышали. Никто не дёргается без команды.

Лея в этот момент уже почти не чувствовала спины. Усталость вьелась в плечи, в шею, в запястья, и пальцы на ручном управлении дрожали от перенапряжения так заметно, что ей пришлось сильнее вжать ладони в скобы, чтобы эта дрожь не ушла в движение шаттла. Машина отвечала на каждую микропоправку с тяжёлой, старой неохотой, словно тоже держалась из последних сил, но Лея всё равно вывела её на ось порта идеально ровно, без рысканья, без лишнего качка, как хирург, который зашивает рану на трясутемся столе и знает, что второго шанса не дадут.

— Ещё чуть-чуть, — пробормотала она себе под нос. — Только не вздумай сейчас выебнуться.

За обзорным стеклом полу аварийный сектор Ланка был уже так близко, что стали видны царапины на бронеплитах шлюзового кольца, копоть в стыках и грубые следы недавней сварки. Это был не парадный вход и не нормальный военный приём, а задняя дверь осаждённой крепости, через которую впускают только тех, кому всё равно не доверяют.

Хиро в пассажирском отсеке в последний раз проверил фиксацию носилок и ремни у сидящих ближе к борту детей. Аркан стоял у переборки в броне, уже собранный до той степени внутренней тишины, которая появляется перед боем. Эля держала оружие на коленях, не поднимая его, но и не убирая далеко, а Корран смотрел вперёд так, будто хотел одним взглядом продавить броню базы и увидеть, что ждёт их за шлюзом.

Потом сцепка произошла.

Шаттл врезался в стыковочный узел не аварийно, не срывом, а жёстко, по-военному грубо, с тяжёлым металлическим ударом, который прошёл по всему корпусу как кулак, вбитый в рёбра. Палуба под ногами вздрогнула, по переборкам прокатился низкий гул, в потолке коротко лязгнуло что-то плохо закреплённое, и на секунду всем показалось, будто это не стыковка, а первый толчок приговора, который только начинает опускаться на голову.

Никто не сказал ни слова.

Даже дети замерли. Даже раненые, ещё недавно сдавленно стонущие в жаре и вони тесного отсека, сейчас только слушали. Этот звук не напоминал прибытие. Он не обещал передышки, еды, воды или хотя бы короткого выдоха. Он звучал как подтверждение того, что они добрались до следующего испытания и теперь обратной дороги уже нет.

Лея медленно убрала руки с управления и только тогда заметила, как сильно у неё трясутся пальцы. Она сжала их в кулаки, разогнула снова и, не глядя на остальных, тихо сказала:

— Всё. Сели.

— Нет, — так же тихо ответил Корран. — Просто вошли в чужую дверь.

И будто сама база решила сразу подтвердить его слова, за шлюзом послышалось движение. Сначала глухие шаги, тяжёлые, размеренные, металлически отзывающиеся в стыковочном рукаве. Потом ещё несколько. Затем короткий лязг оружия, такой знакомый и такой чужой одновременно, что по отсеку прошла новая волна напряжения.

Ланк был по ту сторону шлюза, живой ровно настолько, чтобы встретить их не словами, а сталью.

Глава 3. Стыковка под прицелом

После тяжёлого удара сцепки и лязга оружия за створками шаттл будто окончательно превратился в капсулу ожидания, запертую между двумя страхами — тем, что осталось позади, и тем, что теперь стояло снаружи. Пауза тянулась мучительно долго. Слишком долго для обычной стыковочной процедуры, слишком показательно для базы, которая когда-то, возможно, ещё умела принимать своих без этой ледяной, выжженной подозрительности. Никто по ту сторону не спешил открывать, и в этом промедлении было больше правды о Ланке, чем во всех их сухих импульсах: страх перед заражением, диверсией и любым чужим въелся в станцию так глубоко, что даже формальный допуск к борту ничего не значил.

Внутри шаттла люди ждали молча, и это молчание было натянутым, как провод под током. Дети не шевелились. Раненые терпели, стараясь даже не стонать лишней раз, будто понимали, что любой звук сейчас может прозвучать неуместно. Элья сидела чуть в стороне от шлюза, но взгляд её не отлипал от створок. Хиро стоял у борта с аптечным контейнером под рукой, словно оттягивал себе последнюю секунду перед тем, как чужие начнут решать, кто из них чист, а кто уже нет. Лея всё ещё была у панели, раздавленная усталостью, однако следила за замками стыковочного узла с таким напряжением, будто ждала не открывания, а попытки взлома с другой стороны.

Потом внутренний канал ожил сухим щелчком, и в динамике прозвучал чужой голос, тусклый, уставший, лишённый интонации почти до механичности.

— Борт, открыть внешний контур шлюза. Всем отойти от створок. Руки держать на виду. Любое отклонение будет расценено как угроза.

Приказ повис в отсеке, тяжёлый и холодный, как дуло у виска.

Рэн оскалится, но в этой гримасе не было ни грамма веселья.

— Ну охуеть теперь, — шепнул он, так чтобы слышали только свои. — Встреча получилась совсем не торжественная.

Корран даже не посмотрел на него. Он уже шёл к шлюзу, медленно, без резких движений, всем своим видом показывая, что понял правила и спорить не собирается. Остановившись перед створками, он снял винтовку с быстрого доступа, не бросил, а аккуратно опустил на палубу в стороне, после чего поднял руки так, чтобы их было видно наверняка. В этом не было унижения. Только холодный расчёт человека, который слишком давно живёт на войне и знает, когда важнее войти внутрь, чем сохранить лицо.

— Выполняем, — сказал он негромко.

Остальные двинулись следом. Аркан молча отступил от линии входа и убрал ладони от оружия. Элья поднялась, стараясь держаться так, чтобы дети оставались у неё за спиной. Хиро коротко велел раненым не дёргаться и отвести руки от ремней. Лея с усилием потянулась к консоли аварийного доступа, пальцы у неё всё ещё дрожали, но код ввода она набрала без единой ошибки.

— Внешний контур разблокирован, — произнесла она.

На несколько секунд снова ничего не произошло. Потом по металлу пошёл тяжёлый внутренний гул. Замки начали расходиться один за другим, медленно, с натужным механическим скрежетом, будто и сам шлюз не был дверью в безопасное место, а нехотя размыкал линию огня. В узкий стык между створками ударил белесый свет из рукава станции, резкий, больнично-холодный, и в нём сразу обозначились тени по ту сторону — несколько фигур в броне, неподвижных, с оружием на изготовку.

Ланк открывался не как укрытие и не как спасение. Он открывался как настороженная крепость, которая ещё не решила, впускать вас внутрь или добивать прямо на пороге. И Кор-

ран, стоявший первым перед этим светом с поднятыми руками, принимал именно такой порядок, потому что сейчас право пройти дальше стоило дороже любой гордости.

Створки шлюза разошлись до конца с тяжёлым натужным скрежетом, и в проёме сразу встала не встреча, а жёстко выстроенная линия подавления. За порогом ждали шестеро в тяжёлой броне, в глухих масках с затемнёнными визорами, с наведёнными стволами и переносными сканерами, уже поднятыми на уровень грудной клетки. Они не орали, не суеились и не пытались взять шаттл одним напором. Работали холодно, экономно, отточено, как люди, которые слишком много раз открывали шлюзы не тем, кому следовало, и платили за это кровью.

Белый свет из стыковочного рукава бил в глаза, резал лица и делал чёрные стволы ещё чётче. Один из встречающих шагнул вперёд на полшага, не опуская оружия, и его голос прошёл через внешний динамик маски сухо, без малейшего намёка на приветствие:

— Старший группы обозначиться. Остальные без движений. Руки на виду.

Корран стоял первым перед проёмом, прямой, собранный, с поднятыми ладонями и лицом человека, который давно понял цену лишнего жеста. Он не пытался играть в авторитет, не давил ни тоном, ни взглядом, ни намёком на то, через что они только что прошли.

— Корран Дээр. Старший группы сопровождения и эвакуации, — сказал он ровно. — Прибыли автономным шаттлом. Маршрут — выход из системы Ксайры, прямой заход на Ланк по зафиксированному сигналу базы.

На слове «Ксайра» в строю напротив ничего не дрогнуло явно, однако перемена всё равно была заметна. Один из бойцов чуть сильнее сжал цевьё. Другой на секунду повернул голову к товарищу. У старшего взгляд стал тяжелее, будто это название уже успело превратиться на Ланке в плохую сводку, неполный доклад или обрывок паники, который никто не хотел дочитывать до конца. О падении планеты здесь уже знали, пусть и не всё.

— Численность? — последовал следующий вопрос.

— Пятеро боеспособных из группы. Гражданские, дети, раненые, — ответил Корран. — Есть поражённые травмами, ожогами, истощением. Подтверждённого активного заражения на борту не выявлено, но контакт с заражённой средой был.

Последняя фраза повисла в рукаве как дополнительный слой холода. Сразу двое из встречающих подняли сканеры выше. Мягкие полосы света побежали по внутренностям шаттла, по стенам, по полу, по людям. Лея, стоявшая у боковой панели, заметила это раньше остальных: на оружии, броне и на тех узлах корпуса, где когда-то уже ползла чужая дрянь, приборы задерживались дольше обычного, будто сама техника Ланка не доверяла даже металлу, который пережил заражение и всё ещё продолжал работать.

Один сканирующий луч медленно прошёл по стойке с винтовками, по грудным пластинам Аркана, по креплениям на бедре у Рэна, потом задержался на переборке рядом с сервисным блоком, где когда-то выгорели жгуты и пришлось кидать временные перемычки. Лея почувствовала, как у неё внутри всё неприятно стянулось.

— Видишь? — шепнула она почти беззвучно.

Элья, стоявшая чуть в стороне от детей, едва заметно кивнула.

— Они ищут не только живое мясо.

Рэн скалился без веселья, держа руки на виду и не сводя глаз с ближайшего ствола.

— Отлично. Сейчас ещё выяснится, что наш корытный труп у них вызывает больше подозрений, чем мы сами.

Никто из гарнизона на это не отреагировал. Они продолжали работать так же жёстко и спокойно, один держал сектор, второй снимал показания, третий контролировал сам шлюз, словно каждый знал свою долю ужаса и давно перестал тратить силы на всё лишнее.

Старший встречающих снова посмотрел на Коррана.

— Оружие оставить на месте. До завершения полной проверки никто не выходит за обозначенную линию.

Корран коротко кивнул.

— Принято.

Он не спорил, не торговался и не пытался вытянуть себе особое отношение. Здесь это не сработало бы. Здесь уважали не слова, а то, как человек стоит под прицелом и не делает глупостей. А по ту сторону шлюза уже было ясно одно: Ланк ещё держался, но держался так, как держатся выжженные гарнизоны, которые сначала сканируют, потом верят, и то не всегда.

Под прицелом, под сканерами и под сухими командами гарнизона порядок на Ланке начал проявляться сразу, жёстко и без всякой попытки сделать его человечнее. Прибывших резали на потоки почти мгновенно: боеспособные отдельно, раненые отдельно, гражданские в свой коридор, детей в другой, критические случаи — без задержек вперёд, туда, где ещё можно было успеть что-то сделать. Это работало быстро и правильно для осаждённой базы, но по нервам било так, будто людей не принимали, а сортировали перед мясорубкой, просто более организованной и стерильной, чем всё, что осталось на Ксайре.

— Боеспособные сюда. Раненых не тормозить. Детей не смешивать с общим потоком, — сыпались команды из-за масок, и в этих голосах не было ни злобы, ни сочувствия, только выжженная до кости необходимость.

Хиро двинулся рядом с первой группой носилок, Аркан почти сразу встал с ним плечом к плечу, и оба заметили проблему раньше, чем местные успели закончить первичную раскладку. Медики Ланка работали по базовым военным протоколам: температура, давление, реакция зрачков, кровь, кожные изменения, неврология. Для обычной катастрофы этого хватило бы. Для того, что они видели на Ксайре, — уже нет.

— Стоп, — резко сказал Хиро, перехватывая руку медика, потянувшегося к следующему раненому. — Вы не проверяете латентный нейромоторный срыв и позднюю асимметрию отклика.

Местный поднял на него усталый, мгновенно злой взгляд.

— Мы проверяем по действующему протоколу станции.

— Тогда ваш протокол уже мёртв, — отрезал Аркан. — На Ксайре заражение шло не только по классике. Оно пряталось дольше и вылезало позже, когда человек уже считался чистым.

Медик дёрнул подбородком, явно собираясь послать его к чёрту, но Хиро уже говорил дальше, быстро и жёстко, без пауз на дипломатическую чепуху:

— Добавьте тест на микротремор по задержке. Проверку на несинхронный поворот глаз. Любой странный ответ на свет — в отдельный карантин, не в общую раненую массу. И никогда, слышишь, никогда не гоните контактных через один рукав без повторной проверки.

Несколько секунд они смотрели друг на друга так, будто ещё шаг — и спор сорвётся в драку, но Ланк был слишком уставшим местом для таких роскошей. Медик коротко выдохнул и резко бросил помощнику:

— Меняем схему. Этот поток в жёлтый сектор. Повторный неврологический прогон всем контактным.

Элья в это время держалась рядом с гражданскими, пока тех уводили дальше по внутреннему коридору, освещённому слишком белым, слишком резким светом. Люди шли плохо, рвано, с той сломанной осторожностью, которая появляется после долгого ужаса, когда даже чистый пол под ногами кажется подозрительным. Она смотрела на них внимательно, почти как на улицу перед выстрелом, и запоминала лица тех, кто слишком резко вздрагивал от прикосновений, щурился от ламп, шаркался от теней у стен или отдёргивал руку так, будто любое касание уже обещало боль.

Маленький мальчишка, которого на шаттле она видела рядом с пустой кружкой, вцепился в рукав женщины-медика и смотрел на свет с такой ненавистью, словно лампы были живыми.

— Не трогайте меня, — прошептал он.

Эля запомнила его сразу. И женщину с ожогом на щеке, слишком быстро отшатнувшуюся от санитара. И мужчину, который на секунду замер перед простым сканером так, будто ждал удара.

Корран стоял на стыке потоков, пока людей резали по секторам, и с каждым новым шагом всё яснее видел правду, от которой уже не отмахнуться. Ещё недавно они были одним отрядом, одной сжатой в кулак группой, которая вытаскивала друг друга через Ксайру. А здесь, под железной логикой Ланка, этот кулак разжимали силой, и теперь они становились не единым телом, а разрезанным на сектора грузом войны — боеспособность сюда, кровь туда, дети отдельно, раненые отдельно, подозрение поверх всего.

Он ничего не сказал, потому что понимал: база иначе просто захлебнулась бы в хаосе. Но от этого легче не становилось. Ланк принимал их не как людей, вернувшихся из ада, а как опасный материал, который нужно разобрать быстро, жёстко и по частям, прежде чем он рванёт у тебя в руках.

После жёсткой сортировки людей и первых споров с местными медиками очередь дошла до шаттла, и здесь Ланк тоже не собирался проявлять ни благодарность, ни сантименты. Едва последние пассажиры покинули борт, как к стыковочному узлу подошла техническая группа в защитных масках и с пломбирочными контейнерами. На люк легли сигнальные полосы, по корпусу пошли маркеры изоляции, а на панели статуса вспыхнул сухой служебный код: судно опечатано до завершения полной технической проверки.

Для Леи это ударило почти как личное оскорбление. Она обернулась так резко, будто у неё пытались отнять не машину, а кусок собственной шкуры. Этот шаттл дотянул их сюда не благодаря базе, не благодаря счастливому случаю и уж точно не благодаря тем, кто сейчас с важным видом клеил на него контрольные метки. Он дошёл на её руках, на её злости, на временных перемычках, на пальцах, обожжённых о вскрытые панели, и видеть, как его теперь без разговоров уводят в статус подозреваемого объекта, было почти невыносимо.

— Вы его сейчас просто закроете и будете копать вслепую, — сказала она технику Ланка, шагнув ближе, чем следовало. — А там есть узлы, которые уже пытались уйти под чужой контроль. Если полезете туда по стандарту, вы даже не поймёте, что именно ищете.

Старший тех группы, высокий, с серыми следами усталости под глазами и голосом человека, который давно научился реагировать на чужую гордость, посмотрел на неё без раздражения, но и без сочувствия.

— На борту подтверждены следы биомеханического заражения. Судно подлежит полной изоляции и разбору по протоколу базы.

Лея скривилась так, будто проглотила металл.

— Я знаю, чему оно подлежит. Я это дерьмо оттуда своими руками выжигала.

Спорить, по сути, было бессмысленно, и она сама это понимала не хуже других. Следы заражения на шаттле были слишком очевидны: оплавленные линии, сожжённые жгуты, перебитые контуры, странная логика некоторых сбоев, которые уже не спишешь на обычную аварию. Любой нормальный гарнизон на месте Ланка поступил бы точно так же. Но смириться с тем, что местные технари полезут в эти кишки без неё, Лея не могла.

— Я иду с вами на разбор техсостояния и передачу логов, — сказала она уже жёстче. — Иначе вы пропустите половину важного.

— Отказано, — сухо ответил старший. — Допуск внешних лиц к заражённому борту запрещён.

Лея шагнула ещё на полступни, и в этот момент Корран, до сих пор молчавший, наконец вмешался. Голос у него был спокойный, но такой, от которого даже уставшие люди начинают слушать внимательнее.

— Она не внешнее лицо для этого борта. Она тот человек, благодаря которому он вообще дошёл до вашей шлюзовой линии.

Старший техник перевёл взгляд на него.

— Правила базы...

— Ваши правила не запрещают думать, — отрезал Корран. — У вас перед глазами машина с нетипичными следами заражения, прошедшая через Ксайру и сохранившая ход. Если вы разберёте её без Леи, вы потеряете время, данные и, возможно, шанс не повторить ту же ошибку на своих системах.

В коридоре на секунду стало тихо. Где-то дальше по сектору лязгнула тележка, кто-то крикнул медикам освободить проход, но здесь все будто замерли на этом коротком упоре.

Старший техник медленно выдохнул.

— Ограниченный допуск, — сказал он наконец. — Под охраной. Только на этапе первичного разбора и передачи логов. Любое нарушение — вывод из сектора.

Лея уже открыла рот для новой колкости, но Корран коротко взглянул на неё, и этого хватило.

— Принято, — ответила она.

В этот момент что-то окончательно встало на место, даже если никто не произнёс этого вслух. Для Ланка Лея переставала быть просто механиком с чужого шаттла. Она становилась носителем знания, слишком важного, чтобы отодвинуть его в сторону из-за формальностей. И пока вокруг базы трещали перегруженные системы, а люди латали войну прямо на ходу, именно такие знания могли стоить больше, чем чин, протокол и красивая выправка вместе взятые.

Сразу после разделения потоков и опечатывания шаттла им не дали ни минуты на то, чтобы прийти в себя. Коррана, Лею, Рэна и Элью провели через ещё один коридор, втиснули в узкое опросное кольцо с жёстким белым светом и металлическим столом, за который даже не предложили сесть по-человечески. Здесь всё было устроено так, будто усталость, кровь на коже, липкий пот, дрожь после полёта и желание хотя бы добраться до туалета не имели никакого значения. Им не дали ни выдохнуть, ни умыться, ни смыть с себя Ксайру, и от этого допрос сразу чувствовался не как формальность, а как ещё одна форма фильтрации, только уже через слова.

Офицеров было трое. Один вёл протокол, второй следил за реакцией, третий почти не говорил, только смотрел так внимательно, будто искал не факты, а момент, когда кто-нибудь дрогнет не там, где положено. Вопросы пошли быстро, жёстко, без раскачки.

— Время начала прорыва.

— Природа первых контактов.

— Скорость потери внешнего периметра.

— Поведение заражённых единиц.

— Изменения в технике.

— Число подтверждённых выживших.

— Зафиксированные разломы.

— Необычные сигналы в эфире.

Они не собирали историю. Это стало ясно почти сразу. Ланк собирал выживаемость, выдирая из них те куски знания, которые можно было превратить в приказ, запорный протокол, схему обороны или новый список того, что нельзя прощёлкать на своей базе.

Корран отвечал первым и отвечал так, как умеют люди, давно отучившиеся тратить воздух на лишнее. Коротко. Без красивых слов. Без попытки сделать услышанное мягче.

— Прорыв начался не как шторм, а как каскадное заражение с потерей контроля над секторами.

— Внешний контур пал быстро после смещения биологических и механических форм.

— Твари действовали не хаотично. Они давили узлы связи, энергетику, маршруты отхода и точки массового скопления.

— Часть техники переходила в нестабильное состояние до полного визуального проявления заражения.

С каждым его ответом в комнате становилось тяжелее дышать, будто сам воздух сгущался от масштаба того, что им пришлось оставить за спиной. Офицер с протоколом сначала ещё пытался держать сухое лицо, но после слов о падении периметра и скорости заражения начал писать заметно быстрее.

Лею перебили уже на второй минуте.

— Уточнить заражение техники.

Она подняла на них уставший, злой взгляд.

— Не просто заражение. Перехват логики работы. Сначала нестабильность, потом ложные отклики, потом техника начинает вести себя так, будто внутри неё поселилась чужая воля. Не везде одинаково, но принцип один.

— Через прямой контакт?

— Не только.

В комнате на секунду стало тише.

— Через что ещё? — спросил тот, что до этого почти молчал.

Лея подалась вперёд, упираясь ладонями в стол.

— Через сети. Через импланты. Через механические контуры, если там уже есть точка входа. Если вы до сих пор думаете, что заражение приходит только через плоть, то вы уже опоздали.

Один из офицеров, молодой и до этого державшийся удивительно ровно, впервые по-настоящему побледнел. Не театрально, не наигранно, а так, как бледнеют люди, у которых в голове за секунду складывается слишком много плохих выводов. Он резко перевёл взгляд на коллегу, и в этом движении было больше страха, чем во всех предыдущих вопросах.

Рэн заметил это сразу и мрачно усмехнулся.

— Вот, дошло наконец.

— Продолжайте, — жёстко сказал старший офицер, но теперь его голос тоже стал суше.

Элью спрашивали о поведении выживших, о детях, о гражданских, о тех, кто уже после эвакуации вёл себя не так, как должен был. Она отвечала точно, перечисляя лица, реакции, резкие вспышки страха, непереносимость света, дёрганные отдёргивания рук, паузы перед простыми командами. Не как рассказчик, а как человек, который всю дорогу смотрел и запоминал, потому что инстинкт подсказывал: позже это может спасти кому-то жизнь.

К концу опроса никто из них не чувствовал ни облегчения, ни даже злости в чистом виде. Только ощущение выжатости, грязную, сухую усталость и понимание, что на Ланке их слушают не из сочувствия. База уже примеряла услышанное на себя, на свои коридоры, свои турели, свои сети и своих людей. И если после Ксайры у кого-то ещё оставалась иллюзия, что они просто добрались до следующего убежища, то здесь, под белым светом опросного кольца, эта иллюзия окончательно сдохла.

После опросного кольца их наконец повели глубже внутрь Ланка, и уже через несколько поворотов стало ясно, что снаружи база выглядела почти честнее, чем изнутри. Там, за бронёй и пробоинами, она ещё могла сойти за тяжело побитую крепость. Здесь же перед ними открылся настоящий её ритм — не парадный, не уставной, а изношенный до хруста. Коридоры были забиты людьми, носилками, контейнерами снабжения, свёрнутыми кабелями, тележками с медикаментами, аварийными ящиками и тем техническим мусором, который скапливается только там, где слишком долго чинят войну прямо на ходу.

Воздух был тяжёлым, хотя фильтрация работала на пределе. Сквозь сухой металлический привкус всё равно пробивалась острая больничная вонь — антисептики, кровь, лекарственная химия, гнойный жар плохо обработанных ран и тот густой запах человеческой усталости, который никакие системы уже не выбивают до конца. Где-то рядом матерился техник,

пытаясь сдёрнуть заклинившую крышку с распределительного узла. Чуть дальше двое солдат несли ящик с боеприпасами, и по их шагу было видно, что оба спали последний раз чёрт знает когда. Мимо проскочила санитарная платформа с бледным телом под термопокрывалом, за ней почти бегом шла женщина в медицинской форме, на ходу застёгивая воротник, испачканный чем-то бурым.

Лея смотрела по сторонам молча, и чем дальше они шли, тем жёстче становилось её лицо. Здесь всё держалось на временках, грубой сварке, сорванных регламентах и людях, которым уже некогда было притворяться, будто база работает штатно. На стенах виднелись свежие латки поверх старых, кабельные трассы местами шли открыто, без декоративных кожухов, а в одном из боковых проходов так и вовсе стоял разобранный сервопривод, прикрытый от проходящих только грязным сигнальным полотнищем.

Элья уловила общий ритм почти сразу, ещё до того, как успела осмотреть половину сектора. Ланк не жил. Он держался. Всё здесь работало не по инерции мирного объекта и не по чёткой архитектуре крепости, а по той нервной, надрывной логике, когда живой организм уже перетянут жгутами, залит стимуляторами и всё ещё двигается только потому, что никто не разрешил ему сдохнуть. Люди в коридорах не бегали в панике, но и не двигались спокойно. Они шли быстро, резко, сбережёнными рывками, экономя силы даже в походке.

— У них тут не база, — тихо сказала она, не обращаясь ни к кому конкретно. — У них тут рана, которую никто не успеваешь зашить.

Рэн криво повёл ртом, глядя, как у стены солдат прямо стоя допивает что-то из пластиковой упаковки и тут же уходит дальше, не дожёвывая.

— Зато честно, — буркнул он. — Без красивой вывески.

Хиро, которого на перекрёстке уже почти выдернули в сторону местного медсектора, успел только бросить взгляд вглубь коридора, где у шлюза в карантинный блок толпились носилки. В этом взгляде было достаточно, чтобы понять: медчасть здесь тоже живёт на последнем ресурсе и давно работает не на комфорт, а на отсев тех, кого ещё можно вытащить.

Корран шёл впереди, чуть медленнее конвоя, и смотрел на всё это без лишних слов. На уставшие лица. На грязь под сапогами. На стёртые до металла поручни. На солдат, которые уже несли службу не как гарнизон в ожидании приказа, а как люди, давно находящиеся в середине осады. И с каждым шагом внутри него всё отчетливее вставала простая вещь, от которой уже нельзя было отвернуться.

Они прибыли не в убежище.

Они прибыли в следующий действующий фронт.

Глава 4. Карантинный сектор

Сразу за внутренним кольцом и первыми допросными комнатами их провели ещё дальше, через вторую гермодверь, и именно там Ланк окончательно перестал быть просто военной базой. Створки сомкнулись за спиной с глухим ударом, будто отрезая не сектор, а целый пласт нормальности, и воздух по ту сторону оказался другим — плотнее, суше, грязнее на вкус. Здесь пахло антисептиком, кровью, перегретым металлом и ещё чем-то сладковато-гнилым, липким, въедающимся в горло так, словно фильтры уже не успевали выбивать из вентиляции всё, что рождалось в этих коридорах. От этого запаха хотелось дышать реже, но редкое дыхание только сильнее напоминало, что ты вошёл туда, где болезнь и война давно живут вперемешку.

Коридоры карантинного сектора были уже не просто изношенными, а словно пережёванными изнутри. На стенах тянулись следы спешной герметизации: кривые сварные швы, свежие накладки поверх старых стыков, уплотнители разного цвета, посаженные в разное время и явно в разной спешке. Местами прямо поверх штатной маркировки ещё виднелись выцветшие знаки биопасности, поверх которых кто-то потом наспех мазнул серой краской, будто хотел убрать лишнее напоминание, но не успел или махнул рукой. Несколько номеров отсеков были покрашены полностью, без попытки восстановить обозначение, и от этого возникало мерзкое ощущение, что часть базы уже не перенумеровали, а вычеркнули из памяти, как вырезанный кусок плоти, который проще не называть вслух.

Рэн шёл чуть позади Коррана, смотрел по сторонам исподлобья и в какой-то момент тихо, почти без воздуха, выругался:

— Твою мать... Это уже не военный объект. Это госпиталь во время чумы.

Никто ему не ответил, потому что возразить было нечем. За мутным смотровым стеклом одного из боковых отсеков мелькнули люди в защитных масках, потом быстро пронесли носилки, и белый свет внутри на секунду выхватил чью-то голую ступню, серую от холода или шока. Чуть дальше из-за закрытой двери донёсся сдавленный крик, тут же оборванный чьей-то жёсткой командой. По полу тянулись свежие следы каталок, тонкие полосы подсохшей грязи и тёмные разводы, которые слишком старательно замывали и всё равно не успевали вычистить до конца.

Элья невольно замедлила шаг, проводя взглядом по покрашенным маркировкам и аварийным лампам над гермостворками. Здесь всё говорило не о том, что база справляется, а о том, что база учится не разваливаться прямо на ходу. Даже тишина была другой — не рабочей, а натянутой, больной, полной приглушённых шагов, кашля, далёкого лязга тележек и той аккуратной спешки, которая бывает только там, где люди уже давно живут рядом с постоянной угрозой прорыва.

Корран шёл впереди и смотрел на эти стены, на следы перекрытых секций, на старые метки биологической опасности, на номера, которые больше не существовали, и понимание входило в него холодно, без всякой драмы. На Ланке не ждали улучшения. Здесь уже не жили надеждой, что всё вот-вот стабилизируется, вернётся в норму, наладится после следующей смены или нового приказа. Ланк давно перешёл в другое состояние — в затяжной распад, внутри которого люди всё ещё строили распорядок, выставляли охрану, таскали раненых, варили металл и держали двери закрытыми ровно настолько, чтобы успеть прожить ещё один день.

Дальше коридор разошёлся на два потока без всякой паузы, будто сама база уже давно привыкла делить людей не по именам, а по степени срочности, транспортабельности и шансу дотянуть до следующего часа. Раненых увели вправо, гражданских — влево, детей отдельно, критических ещё глубже, и эта механическая, хладнокровная сортировка ударила сильнее любого крика, потому что в ней не было жестокости ради жестокости. Была только система,

доведённая до того предела, где сочувствие мешает скорости, а скорость решает, кто ещё будет дышать к утру.

Хиро и Аркан пошли рядом с медперсоналом, почти сразу выстраиваясь в их рваный, злой ритм, и оба увидели одно и то же. Местные врачи работали на износ. У одних перчатки были в бурных разводах до самых запястий, у других на манжетах засохла кровь, которую уже просто некогда было сменить. Глаза у людей под щитками стали стеклянными от недосыпа, но руки продолжали двигаться точно, будто держались не на остатках сил, а на привычке и упрямстве. Санитарка с впалыми щеками на ходу поправляла капельный блок и одновременно орала кому-то в коммуникатор, чтобы готовили ещё два места под жёлтый протокол. Врач у ближней тележки даже не поднял головы, когда Аркан заговорил с ним, только процедил сквозь зубы:

— Если есть что добавить по симптомам, добавляй быстро. У меня людидохнут быстрее, чем бумага доходит до сектора.

Мимо них провезли носилки с мужчиной, у которого ниже колена уже почти не осталось нормальной ноги, только рваное мясо под пеной коагулянта и плохо удерживаемая повязка. Следом шла женщина с обожжённым лицом, где кожа на щеке стянулась тёмной, блестящей коркой, а один глаз всё ещё слезился и не закрывался до конца. Потом повезли ещё двоих, и на предплечьях одного Хиро заметил чёрные следы вдоль вен — тонкие, словно кто-то под кожей провёл углём по сосудистому рисунку.

— Это давно у вас? — резко спросил он ближайшего медика.

Тот мельком глянул и дёрнул плечом.

— Вторые сутки такие идут. Не у всех. Не понимаем пока, сепсис это, химия или ещё какая дрянь.

Аркан присел на секунду к носилкам, всмотрелся, и лицо у него стало жёстче.

— Это не списывайте в обычное, — сказал он. — Вообще ни хрена не списывайте в обычное.

Пока взрослых тащили дальше по секторам, гражданский поток тоже ломался на всё более узкие ручьи, и именно там мальчишка, тот самый, который ещё на шаттле сидел с пустой кружкой, вдруг вцепился в броне пластину Эльи обеими руками так, будто она была последней жёсткой вещью в мире, которая не расползётся у него под пальцами.

— Не надо, — выдохнул он хрипло. — Я с вами.

Элья остановилась, опустила взгляд и на миг замерла, потому что в его пальцах не было детской капризности, только чистый, животный ужас человека, который уже понял, что стоит отпустить — и тебя унесёт туда, где никого своего не останется.

— Эй, спокойно, — сказала она тише, чем обычно. — Тебя просто переведут дальше.

Он помотал головой так резко, что волосы прилипли ко лбу.

— Нет. Нет, не туда.

Подбежавшая сотрудница детского сектора выглядела так, будто не спала двое суток и уже давно разучилась уговаривать мягко.

— У нас переполнение, задержек не будет. Отцепляйте.

Мальчишку отрывали почти силой. Он держался до последнего, срываясь на сухой, хриплый плач, и Элья не дёрнулась, только стиснула зубы и позволила разжать его пальцы по одному, потому что понимала: если сейчас начнёт спорить, станет только хуже.

Когда его унесли дальше по коридору, вокруг всё снова пошло своим жёстким, рабочим ходом — носилки, команды, кровь, шаги, резкий белый свет. И именно в этот момент стало особенно ясно: они привезли на Ланк не просто выживших. Они привезли ещё одну порцию общей человеческой катастрофы, которую эта база должна теперь как-то переварить, не захлебнувшись собственной усталостью и чужой болью.

После общего потока их боевую группу увели в отдельный блок, и там Ланк показал ещё одну грань своей логики — жёсткую, унижительную и, при всём отвращении к ней, почти безупречно понятную. Здесь уже не интересовало, кто кого вытаскивал с Ксайры и сколько раз смотрел смерти в пасть. Здесь проверяли только одно: не пронесли ли они на себе чужое. Мужчин и женщин развели по разным комнатам без обсуждений, быстро, сухо, под наблюдением вооружённой охраны. Мужчин осматривали мужчины, женщин — женщины, но от этого приказ не становился легче.

Им велели снять всё: броню, разгрузку, форму, термослой, нижнее бельё. Открыть старые швы, показать ожоги, укусы, следы пробоев, рубцы от имплантов, любые места, где заражение могло зайти в плоть или вшитую механику. Процедура не оставляла ни достоинства, ни привычной боевой оболочки. Она сдирала с человека всё, кроме уязвимости, и именно это било по нервам сильнее оружия, потому что под белым светом карантинного блока любой из них вдруг переставал быть бойцом и превращался в возможный носитель дряни.

Корран стоял под осмотровыми лампами с лицом, в котором не осталось ничего, кроме жёсткого терпения. Его разворачивали, заставляли поднять руки, проверяли старые шрамы, давили пальцами в плоть вокруг заживших пробоин, просвечивали участки, где броня когда-то не спасла до конца. Он не спорил ни с одним требованием, хотя по тому, как каменели мышцы на плечах, было видно, чего ему стоит эта покорность. Сейчас важнее было пройти дальше, чем удержать остатки гордости.

В соседнем секторе Лея с трудом держала себя в руках. Когда одна из техников, не спросив ни слова, потянулась к её полевым переделкам — грубым узлам, которые она сама меняла под себя после старых повреждений, — Лея дёрнулась так резко, будто ей вживую полезли под кожу.

— Руки убрала, блядь, — процедила она, срываясь уже не на злость, а на чистый, натянутый нерв.

С той стороны сразу пошло встречное ужесточение, и ещё секунда — всё сорвалось бы в скандал. Голос Коррана ударил через перегородку коротко, резко, как окрик на поле боя:

— Лея, стоять!

Этого хватило. Она тяжело выдохнула, сжала зубы так, что на скулах заходили желваки, и всё-таки замерла, позволяя закончить проверку без новой драки.

Аркан, которого осматривали в мужском секторе, быстро понял, что местные по-прежнему цепляются за старые схемы и теряют время на полумёртвую формальность. Он сухо, почти бесцветно объяснял, куда смотреть в первую очередь: вдоль линий имплантов, в местах старых нейроразъёмов, по краям ожогов, в зонах, где механический контур мог стать точкой входа.

— Не ищите только кожную реакцию, — сказал он одному из проверяющих. — На Ксайре этого уже было недостаточно. Смотрите на асимметрию отклика, на странную чувствительность, на любые несвойственные задержки.

Тот молча кивнул, и по этому молчанию чувствовалось, что даже здесь, внутри жёсткой базы, прежние протоколы уже трещат по швам.

Проверка тянулась дольше, чем должна была, и с каждой минутой это ощущалось всё сильнее: их не принимают, не встречают и даже не допрашивают. Их решают. Сжечь, изолировать или оставить в строю. Под яркими лампами, в холоде карантинного блока, без формы, без брони и без привычной роли каждый из них всё отчётливее чувствовал себя не солдатом, а образцом, который изучают перед тем, как вынести окончательный вердикт.

После осмотра и затянувшейся проверки им наконец позволили собрать себя обратно в человеческий вид, но и здесь Ланк не собирался делать ни одного лишнего жеста из милости. Старую форму, броне подкладки, бельё, носки и всё, что они принесли на себе с Ксайры, сразу забрали в отдельные контейнеры с маркировкой биориска, как будто даже пропитанный

потом воротник уже считался потенциальной уликой против живых. Взамен выдали чистое — жёсткую базовую форму, серые штаны, трусы, носки, тонкие майки без опознавательных знаков. Переодевались быстро, молча, в той тяжёлой усталости, когда даже простая ткань на коже ощущается почти чужой. Только после этого им по очереди разрешили дойти до туалета, и само это разрешение прозвучало так буднично, что хотелось зло рассмеяться. Смыть с себя Ксайру всё равно не вышло бы, но хотя бы на несколько минут исчезло чувство, будто тебя держат не как человека, а как заражённый груз.

Лея едва успела затянуть ремень на новых штанах, когда за ней пришли снова. Не в мед-блок, не на повторный осмотр, а в технический сектор под охраной, и уже по одному этому было ясно, что здесь данные ценятся почти выше людей. Её повели по узкому коридору мимо закрытых сервисных люков и перегруженных распределительных шкафов, пока не вывели к отсеку, где на отдельном столе уже ждали накопители, распечатки и её выгрузка с Ксайры — логи шаттла, телеметрия разломов, фрагменты сетевых сбоев, куски карт боевых контактов и криво собранные схемы заражения техники. Всё, что она тащила не потому, что было удобно, а потому, что понимала: потом никто уже не вспомнит, в какой именно секунде железо начало думать не по-человечески.

Инженеры Ланка встретили её не высокомерием, а слишком жадной сосредоточенностью. Они умели чинить, изолировать, латать, тянуть на честном слове перегретые контуры, однако в их взглядах читалось главное: никто из них не видел своими глазами, как биомеханическая дрянь лезет в проводку, в импульсные блоки, в управляющие шины прямо в бою, когда у тебя нет ни времени, ни лаборатории, ни права на ошибку. Для них эти записи были почти картой мины, которую ещё не успели разминировать.

Один из техников потянулся к сектору с обрезанными логам навигации, и Лея сразу жёстко перехватила его движение голосом:

— Это не трогай без меня.

Он вскинул глаза, уставшие и раздражённые.

— Нам нужен полный разбор.

— А мне нужно, чтобы вы не приняли ключевые следы за мусор, — отрезала она. — Если не были на Ксайре, вы половину аномалий спишете на перегрев, дрожание линии или сбой фильтра. А там уже сидит точка входа.

В отсеке повисла короткая, колючая тишина. Конвоир у двери даже не шевельнулся, а старший инженер медленно опустил ладонь на край стола, вглядываясь в Лею уже не как в очередную эвакуированную, а как в человека, который привёз кусок чужой логики прямо с линии прорыва.

— Показывай, с чего начинать, — сказал он наконец.

Лея шагнула к терминалу, усталость на мгновение отошла на второй план, уступая место сухой, злой ясности. Она быстро выделила провалы по управляющим шинам, наложила на них карту перегрузок, потом вывела поверх фрагменты телеметрии, где обычная автоматика ещё секунду назад работала штатно, а потом начинала вести себя так, будто в ней просыпалась чья-то чужая воля.

— Вот это вы бы выкинули как шум, — сказала она. — Вот это назвали бы плавающей ошибкой. А вот здесь уже начинается заражение железа, только оно ещё притворяется технической нестабильностью.

С этого момента всё сдвинулось окончательно. На Ланке Лея переставала быть просто частью уцелевшей группы. Она становилась ключом к пониманию того, как именно враг заходит в машины, почему обычная диагностика запаздывает и в какой момент железо перестаёт быть просто железом. И по тому, как за её плечом наклонились инженеры, как быстро перестали спорить и начали слушать, было ясно: база это уже поняла.

После технического отсека, где Лея уже вгрызалась в ксайрские логи вместе с инженерами Ланка, Хиро и Аркан ушли глубже в медсектор, и там сразу стало ясно, что местная медицина давно работает не как служба, а как осадная линия. За прозрачными перегородками шли сразу несколько тяжёлых разборов, врачи спорили прямо на ходу, не отрывая рук от каталог и планшетов, а воздух был настолько пропитан антисептиком, кровью и перегретой химией, что даже фильтры не успевали сделать его по-настоящему чистым.

Спор у ближнего стола начался ещё до того, как они подошли. Один врач настаивал, что у части прибывших обычный каскадный шок, истощение и нервный перегрев после эвакуации, другой упрямо указывал на слишком ровные параметры, которые уже не вязались с нормальной человеческой физиологией после такого ада. Голоса были сорваны, лица серые от недосыпа, но оба держались на том злом остатке профессиональной гордости, который не даёт людям превратиться в автоматы даже после трёх суток без сна.

Хиро включился сразу, без церемоний. Он скользнул взглядом по строкам температуры, по таблице нейрореакций, по графикам зрачкового отклика и почти мгновенно заметил одну и ту же тревожную вещь. У нескольких раненых показатели вели себя слишком ровно. Не стабильно, а именно не по-человечески ровно, будто организм уже перестал бороться рывками и вместо этого с чем-то внутри договорился.

— Вот это, — сказал он, ткнув в планшет у койки. — И вот это тоже. Видите повтор?

Усталый врач раздражённо дёрнул плечом.

— Вижу пограничную стабилизацию после медикаментозной поддержки.

— Нет, — отрезал Хиро. — На Ксайре так начиналось не улучшение. Так начиналось принятие.

Слово повисло тяжело. Аркан, стоявший рядом, молча перевёл взгляд на пациента под термопокрывалом, у которого на фоне жара и рваного дыхания зрачки отвечали на свет с почти машинной аккуратностью.

— Он прав, — сказал Аркан сухо. — Когда тело должно сыпаться, а вместо этого выстраивается в слишком ровную схему, жди дряни.

Один из местных медиков зло выдохнул и сорвал перчатку, чтобы сразу натянуть новую.

— У нас и без того завал. Вы хотите, чтобы мы теперь каждую странность вели как отдельный конец света?

Хиро даже не поднял голос, но от этого стало только жёстче.

— Я хочу отдельный список подозрительных случаев. Всех, у кого температура, зрачки, тремор и нейрореакция идут слишком чисто для их состояния. Иначе вы пропустите тех, кто сломается уже не как раненый.

Раздражение в секторе вспыхнуло сразу, потому что персонал и без того тонул в крови, бессоннице и потоке тел, а тут им сверху добавляли ещё один фильтр, ещё одну таблицу, ещё один повод не доверять даже мнимой стабилизации. Но Аркан встал рядом с Хиро не формально, а плотно, как встают на позиции, когда назад уже не отходят.

— Это не перестраховка, — сказал он. — Это опыт изнутри кошмара. Мы видели, чем заканчивается ваша «пограничная стабилизация», если не отделить её вовремя.

Старший врач медленно провёл ладонью по лицу, стирая пот и усталость, потом коротко кивнул помощнице:

— Заводим отдельный контур. Все нетипично ровные реакции — в отдельный список. Повторный прогон каждые сорок минут.

С этого мгновения между Хиро и Арканом на Ланке впервые щёлкнула настоящая рабочая сцепка. Один тянул сухую клиническую логику, вычёркивая лишние иллюзии по симптомам, другой подкладывал под неё боевой опыт, добытый не из учебников, а из живого ужаса Ксайры. И медсектор, ещё минуту назад видевший в них просто чужаков с тяжёлой планеты,

начал слушать уже иначе, потому что здесь слишком хорошо знали цену знания, пришедшего раньше, чем новая волна катастрофы.

Когда первичная фильтрация наконец закончилась, Ланк не предложил им ни нормального отдыха, ни даже подобия безопасного угла, а просто выделил временный закуток под наблюдением — вытянутый отсек с тонкими койками, жёстким белым светом и камерами в углах, которые даже не пытались прятать. Здесь всё было рассчитано не на сон, а на содержание: голые стены, узкие полки, серые одеяла, воздух с привкусом фильтрованной пыли и той больничной сухости, от которой губы трескаются быстрее, чем приходит усталость.

Им разрешили по очереди принять душ, и это почти звучало как роскошь, хотя на деле оказалось ещё одной процедурой под контролем. Горячая вода шла рывками, с металлическим привкусом, но даже она казалась почти невероятной после Ксайры, после шаттла, после крови, копоты, перегретой техники и липкого пота, ввевшегося в кожу так, будто хотел остаться там навсегда. Корран стоял под струями недолго, просто давая воде сбить с себя верхний слой усталости и чужой грязи, однако даже с закрытыми глазами видел всё то же — коридоры, огонь, мёртвый свет Ксайры за кормой. Лея мылась зло, быстро, сдирая с рук чёрные полосы машинного масла и засохшую гарь так, будто пыталась оттереть не кожу, а память. Элья после душа задержалась на секунду у слива, глядя, как в решётку уходит серая вода, и это зрелище почему-то показалось ей почти издевательством: грязь смывалась, а всё остальное оставалось внутри. Потом они вернулись назад, в тот же свет, в те же камеры, в тот же отсек, где даже чистая ткань на теле не давала ощущения, что стало легче.

Рэн злился открыто и даже не пытался это скрывать. Он плюхнулся на край койки, сжал мокрыми пальцами выданное полотенце и мрачно уставился в одну из камер.

— Просто охуенно, — процедил он. — Мы, значит, вытаскиваем с Ксайры хоть кого-то, тащим сюда свои шкуры, а эти всё равно пьются на нас как на ходячий риск.

Никто ему не возразил, потому что он говорил вслух то, что чувствовали почти все. На Ланке их не били, не ломали и не унижали просто так, но и людьми в полном смысле ещё не считали. Слишком многое они принесли с собой — слишком много знаний, слишком много подозрений, слишком много возможной дряни.

Элья почти не ложилась. Она села боком у стены и вместо сна начала изучать ритм сектора, как раньше изучала улицу перед выстрелом. Кто бегают слишком часто. Где орут медики. Через какие двери проносят тела под покрывалами. В каком коридоре свет дважды мигнул и так и не выровнялся. Где створки не открываются дольше обычного, будто там внутри снова что-то не так. База разговаривала не словами, а задержками, шагами, криками и лязгом каталок, и Элья слушала этот язык внимательно, потому что в таких местах опасность всегда слышно раньше, чем её называют.

Корран сел у стены, вытянув ноги, и со стороны могло показаться, что он уснул прямо так, сидя, с опущенной головой и тяжёлым дыханием. Но в его позе не было настоящей беспомощности сна. Даже без оружия, которое у них формально изъяли, он держал его в поле внимания так, будто привычка к бою уже вросла в кости глубже любой команды. Стоило где-то в коридоре лязгнуть металлу, как у него чуть заметно менялась линия плеч, и становилось ясно: организм может проваливаться в короткие тёмные ямы, но инстинкт по-прежнему сторожит на поверхности.

Так и тянулась эта ночь под лампами — грязная, нервная, фальшиво тихая. Тело просило сна с той тупой, животной настойчивостью, которая приходит после долгого ужаса, а инстинкт упрямо твердил одно и то же: ещё рано. Здесь, на Ланке, даже пауза не была отдыхом. Она была только коротким промежутком между тем, что уже пережили, и тем, что ещё ползет из следующей двери.

Глава 5. Первый брифинг без надежды

После ночи под лампами утро на Ланке не наступило, а просто сменило один режим тревоги другим. Свет в секторе остался таким же жёстким, воздух — таким же сухим, а лица у проходящих мимо людей — такими же серыми от недосыпа. Здесь давно перестали мерить время часами. Его считали по тревогам, по срочным вызовам, по докладам с обрезанных участков базы и по числу тех, кто дожил до следующей сводки. Поэтому, когда за их временным закутком лязгнули замки и в проходе появилась охрана, никто не почувствовал, что начался новый день. Просто пришёл следующий виток.

— Корран Даэр. Лея Верх. Элья Райс. Хиро Аркан. На закрытый брифинг, — сухо прозвучало из-за маски.

Рэн сразу поднял голову с койки и зло прищурился.

— А я, значит, тут в красивом вольере дальше кисну?

— Вам оставаться под наблюдением до отдельного распоряжения, — так же ровно ответил сопровождающий.

Рэн коротко, с нажимом выругался, и это раздражение мгновенно разошлось по группе, потому что выглядело не как мелкая перестраховка, а как очередной надрез, ещё сильнее разрывающий их на функциональные куски. Корран ничего не сказал, только задержал на Рэнне взгляд чуть дольше, чем нужно, и в этом взгляде было простое обещание: пока не дёргайся.

Их повели навверх через внутренние коридоры Ланка, и чем глубже они уходили от карантинного сектора, тем меньше база походила на просто измотанный гарнизон и тем больше — на огромный организм, который одновременно воюет, чинится и гниёт. На одном перекрёстке техники тянули новый кабельный рукав поверх старой обшивки, не успев даже убрать с пола сгоревший жгут. В соседнем проходе санитарная платформа увозила кого-то под тёмным покрывалом, а мимо неё уже шли двое солдат с ящиком боеприпасов, будто смерть и снабжение здесь давно научились двигаться по одному расписанию. Где-то в глубине корпуса ударил короткий сигнал локальной тревоги, но никто даже не вздрогнул — просто несколько человек ускорили шаг.

На стенах командного яруса висели оперативные схемы, и именно они били сильнее любых слов. Сектора, линии снабжения, внутренние узлы, внешние платформы — всё это было прорисовано быстро, грубо, по-военному ясно. Красного на этих схемах было слишком много. Красные зоны, красные потери, красные риски, красные отметки на контурах, где раньше, видимо, ещё держалась нормальная управляемость. Зелёного почти не оставалось, и этот перекокс был таким явным, что даже Лея, не любившая штабную графику, на секунду задержала взгляд.

— Хреново у них всё шире, чем казалось, — тихо сказала она.

— Они и не пытались это больше прятать, — ответила Элья, скользя глазами по схеме соседнего сектора, где красным были отмечены уже не точки, а целые полосы.

Хиро шёл молча, но по его лицу было видно, что он тоже считывает главное. База ещё держала дисциплину, маршруты, оборону, медицину, разбор потоков, однако под этой собранностью уже не скрывалось ничего цельного. Ланк не скрывал напряжение. Он им дышал, оно сидело в каждом рывке створок, в каждом сорванном голосе из внутренней связи, в каждом человеке, который двигался слишком быстро, потому что иначе не успевал.

Корран шёл первым из группы и смотрел не только на схемы, но и на людей у этих схем. На офицера с красными глазами, который прямо стоя пил остывший кофе и одновременно читал новую сводку. На связистку, у которой дрожали пальцы над консолью, хотя лицо уже давно стало каменным. На техника, спящего сидя у стены рядом с разобранным блоком пита-

ния. Всё это говорило яснее любой предварительной речи: наверху их ждёт не рассказ о ситуации, а разговор внутри уже идущего развала.

У двери командного сектора охрана остановилась, створки с глухим шипением начали расходиться, и по тому, как внутри мигнули экраны с очередной красной засветкой, стало ясно одно. Этот брифинг не будет про надежду. Он будет про то, сколько ещё времени у Ланка осталось до следующего удара.

После коридоров, забитых тележками, кабелями и усталыми людьми, командный сектор встретил их не порядком, а более дорогой разновидностью хаоса. Комната карт оказалась тесной, перегретой и до отказа набитой тем, чем обычно пропитываются штабы на затяжной войне: усталостью, табачным заменителем, горелой электроникой и злостью офицеров, которые, похоже, уже перестали различать, где кончается одна смена и начинается следующая. На одном столе валялись кружки с остывшей чёрной жижой, на другом — распечатки с пометками от руки, а у дальней стены связист в расстёгнутом вороте пытался одновременно слушать доклад и перезапускать зависший экран.

Их ввели без церемоний, и почти сразу на главную карту сектора вывели Ксайру вместе с соседними узлами. Красный свет отметок лег на тёмный объём пространства так густо, что у Эльи на секунду дёрнулся взгляд. Только теперь стало видно, насколько мала была их планета в общей картине. Ксайра оказалась не центром катастрофы, а всего лишь одним зубом в куда большей пасти, уже захлопывающейся по сектору.

— Колония Герхет молчит полностью уже сорок шесть часов, — сухо сказал один из офицеров, ткнув в погасшую отметку. — От Севриса и Тал-Нора идут только аварийные сигналы. Подтверждения живого командования нет.

Следом на карту легли ещё две базы связи, и там цифры ударили не хуже слов.

— С этих узлов пришли данные о схожих сбоях техники и биомеханических мутациях. Частичное совпадение по симптомам с тем, что вы привезли с Ксайры.

Лея стояла у бокового терминала, просматривая выгруженные логи, и с каждой новой привязкой её лицо становилось всё жёстче. Она быстро сопоставляла временные окна, всплески сетевых отказов, провалы в управлении и моменты, когда железо начинало вести себя так, будто внутри него кто-то просыпается.

— Нет, — сказала она вдруг и вывела поверх карты ещё один слой. — Это не россыпь случайных очагов.

Офицер у проектора повернул голову.

— Обоснуйте.

Лея ткнула пальцем в цепочку меток.

— Смотрите на разрыв по времени. Здесь, здесь и здесь. Слишком ровно. Слишком чистое совпадение между сбоем сетей, потерей внешнего контроля и первой волной биомеха. Если бы это ползло стихийно, у вас были бы другие окна. А тут удары словно шли по подготовленной схеме.

В комнате стало тише. Даже связист у стены перестал долбить по консоли.

— Хотите сказать, это координация? — спросил кто-то хрипло.

— Я хочу сказать, что кто-то или что-то выбирало момент, — отрезала Лея. — И выбирало не вслепую.

Корран всё это время молчал, глядя на карту так, будто она медленно раскрывала перед ним пасть пошире. Ксайра теперь висела на общем поле не как отдельный ад, а как первый участок линии, который ему просто довелось увидеть своими глазами. Остальное уже шло рядом, дальше, глубже, через колонии, станции, узлы связи и базы, которые ещё держались или уже тонули в таком же распаде.

Он ничего не сказал вслух, но мысль внутри сложилась окончательно и от этого стала только страшнее: Ксайра не была началом. Она была лишь куском фронта, который успел ударить ему прямо в лицо, пока остальная пасть закрывалась на весь сектор.

После карты и совпавших временных окон разговор в комнате стал ещё суше, злее и точнее. На Ланке уже перестали спрашивать ради общей картины. Теперь из них вытаскивали конкретику, как вытаскивают осколки из раны, понимая, что больно будет в любом случае, но иначе начнётся гниль. Что было в эпицентре. Как шёл прорыв. Где сломалась оборона. Как заражение вело себя с техникой. Что происходило с гражданскими. Сколько времени прошло между первым сбоем и превращением среды во врага.

Корран отвечал первым и отвечал так, будто от каждого слова зависела не память о погибших, а чья-то ближайшая живая смена.

— Прорыв не выглядел как обычное вторжение.

Он стоял у края стола, не опираясь на него, и голос у него был ровным, почти безжизненным от усталости.

— Сначала посыпались связные контуры и внешняя координация. Потом техника начала давать нестабильные реакции. После этого давление пошло сразу по нескольким слабым точкам, как будто противник уже знал, где у нас дыры. Оборона ломалась не в одном месте, а там, где её было легче разорвать на куски и не дать собрать обратно.

Один из офицеров быстро поднял глаза.

— Гражданские?

Корран даже не моргнул.

— Паника началась позже, чем должна была. До этого люди ещё не понимали, что вокруг уже не авария, а бойня. Когда поняли, эвакуационные коридоры уже стали частью зоны поражения.

В комнате стало тяжелее дышать. Никто больше не делал вид, что перед ними просто уцелевшая группа с плохой планеты. Они слушали фронтальной материал в сыром виде.

Хиро подхватил без паузы, и в его голосе не было ни врачебного утешения, ни попытки смягчить формулировки.

— Это не болезнь в привычном смысле. Это форма войны против тела.

Он вывел на боковой экран несколько строк симптомов и продолжил:

— Реакции могут начинаться как шок, перегрузка, ожоговый ответ, инфекционное осложнение. Но потом организм перестаёт вести себя по-человечески. У части поражённых температура и нейрореакций выравниваются слишком рано, будто тело не борется, а принимает новую внутреннюю логику. Позже начинаются несинхронные ответы, провалы моторики, странная устойчивость к боли или, наоборот, резкие всплески без нормальной причины.

Один из штабных, до этого сидевший с лицом человека, который ещё цепляется за удобные термины, медленно опустил планшет.

— Это уже нельзя назвать локальным биосрывом, — произнёс он глухо, скорее себе, чем остальным.

— Нельзя, — спокойно ответил Хиро.

Лея заговорила следом, и в её тоне сразу появилась та жёсткая сухость, которая у неё включалась только на железе.

— И цифровая изоляция вас не спасёт, если вы всё ещё думаете о ней как о вирусе старого типа.

Она вывела поверх карты схему заражённых контуров.

— Это не просто код, который лезет в сеть и ломает систему. Оно входит в железо как чужая воля, способная использовать человеческую инфраструктуру. Управляющие шины, импульсные блоки, сервисные цепи, аварийные протоколы — всё это становится для него не

препятствием, а инструментом. Если вы изолируете только данные, а не поведение узла, вы уже проигрываете секунды, за которые система начинает врать вам в лицо.

Несколько человек в комнате переглянулись, и этот обмен взглядами сказал больше любых реплик.

Эля сказала последней, но именно её слова особенно зацепили тех, кто ещё надеялся списать всё на хаос.

— Они давят не куда попало.

Она не повышала голос, однако в комнате всё равно стихли даже шорохи бумаги.

— Твари быстро находят слабые точки. Маршруты отхода. Узкие переходы. Гражданские скопления. Слепые зоны обороны. Всё, что замедляет ответ и ломает строй. Это не слепая мясная волна. Это давление с пониманием, где человечество слабее всего.

После этого в комнате повисла тишина, тяжёлая и злая, потому что именно здесь у многих окончательно умерла последняя удобная мысль, будто сектор разваливается просто от масштаба бедствия. Нет. Бедствие училось, выбирало и било туда, где больнее. И теперь Ланк уже не мог позволить себе роскошь считать происходящее просто катастрофой.

После слов Эли карта уже не выглядела сводкой по одной погибающей линии. Она начала расплзаться дальше, шире, злее. На проекцию легли новые подтверждения, и каждое из них било не как новость, а как ещё один зуб в том же самом механизме. Пустынная добывающая колония потеряла связь после серии аварий на топливных узлах, причём сначала всё шло как цепь технических отказов, слишком ровных и слишком удобных для простого совпадения. Аграрный мир успел передать рваное сообщение о самопроизвольном "оживлении" техники переработки, когда тяжёлые линии, ещё вчера спокойно жующие сырьё, начали двигаться без команд, ломая людей прямо в производственных секторах. Потом на экран вывели кадры с орбитальной станции, и в комнате стало по-настоящему тихо: заражённые серво-каркасы срослись с людьми так, будто металл и плоть больше не считали друг друга разными вещами.

Один из офицеров выругался сквозь зубы и тут же потребовал следующий слой данных, словно скорость просмотра могла сделать увиденное менее реальным. Но картинка только складывалась плотнее. Это уже не было набором отдельных бедствий, разбросанных по сектору случайной волной. Перед ними проступал расплзающийся рисунок, и чем внимательнее на него смотрели, тем труднее становилось держаться за старые слова вроде "локальная потеря", "изолированный инцидент" или "ограниченный очаг".

— Топливо важнее, — жёстко сказал один из штабных, ткнув в добывающую колонию. — Если мы провалим узлы снабжения, посыплется всё остальное.

— А если вы оставите аграрный мир, через трое суток получите голодные сектора и гражданскую панику, — отрезал другой.

— На станции ещё могли остаться живые.

— На станции уже могли не остаться люди в человеческом смысле.

Спор вспыхнул быстро и сразу стал грязным, не по форме, а по сути. Здесь никто не спорил из гордости. Здесь дрались за приоритеты, а значит — за то, кому слать транспорт, кому давать топливо, куда переводить последние боеспособные борта и где ещё есть смысл спасать гражданских, пока не стало поздно. На Ланке уже не хватало роскоши обсуждать идеальный вариант. Выбирали из плохого и непоправимого.

Корран смотрел на карту и всё яснее понимал самую страшную часть происходящего. У командования не хватало не только кораблей, не только людей и не только рабочих систем. У него не хватало времени на моральные решения. Здесь не спрашивали, кого правильно спасти. Здесь судорожно решали, кого ещё можно успеть вытащить, а кого придётся оставить умирать без помощи, потому что попытка дотянуться до всех убьёт вообще всех.

Лея, стоявшая у терминала, медленно провела пальцем по цепочке новых вспышек и тихо сказала:

— Если интервалы и дальше будут совпадать так же, они не просто расползаются. Они давят по нашим функциям. Топливо, переработка, связь, орбита. Не по географии, а по тому, что держит сектор живым.

Эта фраза повисла в комнате как приговор. Даже спорящие офицеры на секунду сбавили напор, потому что из неё вытекала вещь ещё хуже обычного прорыва: враг не просто ломал миры, он методично выбивал из системы опоры.

Брифинг в этот момент окончательно перестал быть обменом сведениями. Он превратился в процедуру отбора, тяжёлую и почти непереносимую, где под сухие голоса, красные отметки и треск перегретых экранов решалось, кому жить, а кому умереть в темноте, так и не дождавшись помощи. И Ланк, судя по лицам людей вокруг стола, уже давно жил именно внутри этой процедуры.

После споров о приоритетах и красных отметок, которые уже лезли друг на друга на общей карте, разговор в комнате свернул к срочным вызовам, и именно тогда война перестала быть даже на вид управляемой. На отдельный слой вывели точки немедленного реагирования, и каждая из них требовала не просто решения, а чьего-то будущего отсутствия. Где-то в жилом секторе зажали детей и гражданских, и окно на эвакуацию таяло буквально по минутам. Где-то уже горел склад топлива, без которого встанет половина маршрутов, а значит, посыплется переброски, снабжение и отходы. Чуть дальше висел научный узел с массивом данных, которые могли стоить секторам месяцев понимания, если их успеют вытащить. А ещё дальше целый гарнизон не просил уже ни подкрепления, ни чуда, а только короткое окно для отхода, чтобы не лечь там всем составом.

Офицеры говорили быстро, жёстко, перебивая друг друга не из упрямства, а потому, что каждая лишняя секунда уже работала против кого-то на этой карте.

— Если теряем топливо, дальше даже спасти будет нечем.

— Если бросаем гражданских, получите мёртвый мир раньше, чем довезёте первый контейнер.

— Научный узел нельзя отдавать вслепую, там могут быть ключи к распространению.

— Ключи не помогут тем, кто сгорит до вечера.

Лея смотрела на карту с такой ненавистью, что сама это ощущала почти физически. Все красные значки выглядели одинаково — аккуратные, холодные, одинаково тревожные для штабной проекции, — но за каждым стояло разное число трупов, разная цена, разный вес вины и разный стыд, который потом останется на тех, кто поставит подпись не туда. На экране всё это было чистым и плоским. В реальности же один значок мог означать детей под обломками, другой — полсектора без топлива, третий — людей, которым пообещают помощь и не успеют.

— Красиво у вас здесь всё выглядит, — тихо сказала она, не отрывая взгляда от карты. — Прямо ровные значки, аккуратные линии. Только за каждым из них своя бойня.

Никто ей не ответил. Потому что в этой комнате и без того все это знали.

Эля молчала, но названия колоний запоминала одно за другим, как запоминают лица перед боем: Герхет, Севрис, Тал-Нор. Аграрный мир с ожившей техникой. Орбитальная станция со сросшимися каркасами. Она ничего не записывала, однако каждое имя уже оседало в памяти с той тихой уверенностью, что это ещё вернётся. Не сейчас, так позже. Не приказом, так последствиями.

Корран стоял у края стола и слушал, как штаб режет живое пространство сектора на приоритеты, окна, допустимые потери и те участки, куда уже, возможно, поздно даже смотреть. Итог складывался сам собой, без красивой финальной фразы, без торжественного приказа. Их отряд понадобится очень скоро. Не тогда, когда всё будет подготовлено идеально, не под удобную задачу и не под честную расстановку сил. Их бросят туда, где скорость распада фронта окажется выше, чем способность штаба придумывать правильные решения.

Именно это висело в комнате тяжелее всего. Не карта. Не красные зоны. Не даже сами споры. А простая, жестокая правда: дальше выбирать за них будут не идеальные приказы, а то, что начнёт сыпаться первым.

Когда они вышли из комнаты карт, Ланк показался ещё уже, ниже и тяжелее, будто сам воздух в его коридорах после этого брифинга стал плотнее и грязнее. Те же стены, те же аварийные лампы, те же люди, бегущие по своим маршрутам с ящиками, планшетами и носилками, теперь воспринимались иначе, потому что за каждым этим движением уже проступала карта с красными секторами и сухими голосами офицеров, которые учились считать в одном столбце людей, топливо, маршруты и допустимые потери. После такого обратно в простое восприятие мира уже не возвращаются.

Корран шёл первым и долго не говорил ни слова. В голове всё ещё стояли эти отметки, эти названия колоний, эти короткие формулировки, за которыми прятались чужие дети, гарнизоны, эвакуационные окна и целые куски фронта, обречённые стать мёртвыми прежде, чем до них долетит хоть кто-то живой. Он слышал рядом шаги своей группы, слышал скрип сервопривода в потолке, слышал, как в боковом проходе кто-то рывкнул санитарам освободить коридор, но всё это теперь ложилось на другой внутренний фон. Ксайра перестала быть отдельной катастрофой. Она встала в ряд с остальными участками распада, и от этого личная боль не уменьшилась, а только стала частью чего-то куда более большого и тяжёлого.

Лея шла чуть позади, сунув руки в карманы выданной формы, и злилась так тихо, что это ощущалось хуже любого крика. Её злость не рвалась наружу словами, не сыпалась матом, а сидела глубоко и жёстко, как раскалённый болт, вбитый в кость. С того момента, как они поймали в эфире голос Ланка и повернули на этот курс, она всё ещё держала где-то внутри тупую, почти животную надежду, что база окажется хотя бы точкой передышки, местом, где можно будет выдохнуть, починить железо, перевязать людей и хотя бы на пару часов не ждать новой пасти из темноты. Теперь стало окончательно ясно: они шли не к спасению. Они шли в штабную мясорубку, где живое перемальвают уже не зубами тварей, а приоритетами, графиками и выбором, кому не хватит времени.

— Сука, — выдохнула она наконец почти беззвучно.

Элья услышала, но не повернула головы. Она и сама уже несла внутри новый вес — не только лица людей с шаттла, не только мальчишку, которого отрывали от её брони, не только ритм карантинного сектора, а ещё и названия мест, что легли сегодня на карту. Теперь эти имена жили в ней, как живут цели, до которых ты ещё не дошёл, но уже знаешь, что однажды придётся. Она смотрела на встречных солдат, на техников с грязными руками, на очередную тележку с закрытым телом и понимала, что Ланк не центр беды. Он просто один из узлов, который пока ещё не захлебнулся.

Хиро шёл молча, чуть ссутулившись, и его усталость теперь стала другой. Не той серой, тупой выжатостью после бессонницы и крови, а более чёрной, глубокой, потому что мозг уже начал сам, против воли, сортировать тех, кого не успеют. Не потому, что он хотел играть в бога, а потому, что после такого брифинга профессиональная часть внутри него сразу начинает считать наперёд: кого ещё можно вытянуть, кто сорвётся в необратимое раньше прибытия помощи, где не хватит рук, где не хватит времени, где уже поздно, даже если приказ придёт немедленно. И именно это знание ложилось на плечи тяжелее любого недосыпа.

Они шли дальше по нутру базы, и с каждым шагом всё яснее вставал внутренний поворот, после которого уже не получится жить по-старому даже внутри собственной головы. Теперь они знали масштаб. Теперь они видели, что Ксайра была не последним адом, а только первым, который подошёл к ним вплотную и оставил свои следы на коже, в памяти и в железе. А если так, значит дальше придётся двигаться уже иначе — не как выжившим после одной бойни, а как людям, которые наконец увидели весь фронт целиком.

Глава 6. База на швах

После комнаты карт Корран не повёл группу обратно самым коротким путём. Он нарочно свернул в жилые сектора, потом через ремонтные узлы и дальше к госпитальным к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.